

Русская трудовая и управленческая культура

Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития^[1]
О.И. ШКАРАТАН, В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ

Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают, — кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, — способность упереться на последнем рубеже и от него начать по-другому.... Эта черта, пожалуй, устрашительнее для недругов нашей Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего.

Георгий Владимов

Работа состоит из трех основных частей. В первой рассматривается вопрос о перспективном типе человеческих ресурсов в условиях глобальной/информационной экономики. Вторая часть посвящена анализу литературных источников, содержащих концептуальные подходы и фактические данные о тех особенностях цивилизационного развития, которые контекстуально помогают понять национальную специфику человеческих ресурсов России, инварианты русской трудовой и управленческой культуры. Третью часть образует обзор данных о качестве человеческих ресурсов современной России и методов проводившихся исследований.

I. Новейшее международное разделение труда и национальные культуры

Основными факторами возникновения и развития перспективных сегментов национальной экономики являются участие в новейшем международном разделении труда и инкорпорация России в глобальную экономику. Наша страна просто не сможет выжить без связи с мировой системой циркуляции капиталов, товаров и технологий. Важнейшим фактором такой направленности структурной перестройки экономики является внедрение новых производственных и организационных технологий, применение достижений постиндустриальной стадии развития в производственной и повседневной жизни.

Особо стоит вопрос о развитии производства на базе информационных технологий. По мнению одного из самых авторитетных социальных мыслителей нашего времени М. Кастельса, эти технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессами для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователями и создателями. Таким образом, пользователи могут держать под контролем технологию, как, например, в случае с Интернетом. Впервые в истории человеческая мысль прямо является производительной силой, а не просто элементом производственной системы [Кастельс 2000б].

Принципиальное отличие информационно-технологической революции по сравнению с ее историческими предшественниками состоит в том, что если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты. Это означает «немедленное применение к своему собственному развитию технологий, которые она (технологическая революция — О.Ш., В.К.) создает, связывая мир через информационную технологию» [Кастельс 2000б, с. 53]. При этом, как показали М. Кастельс и другие авторы, в мире существуют значительные области, не включенные в современную технологическую систему. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина в этом процессе — угроза исключения целых национальных и даже континентальных экономик из мировой информационной системы, а соответственно — и из мировой системы разделения труда. В этом контексте стоит вопрос и о будущем России.

Сравнение России с США, Испанией и Польшей по некоторым базовым индикаторам

состояния информационных технологий, стандартизированным в рамках проведенного в 1997 г. компаниями «Hewlett Packard» и «Novell» для Всемирного экономического форума проекта «Карта сетевого общества», показало значительное отставание России, особенно по ключевой технологической инфраструктуре информационной эпохи — телекоммуникациям. К тому же, распространение и использование информационных технологий у нас в стране возрастают более низкими темпами, чем в остальном индустриальном мире. Что же касается электронной промышленности, то здесь отставание стало просто катастрофическим. При этом все авторы отмечают, что это отставание находится в полном противоречии с национальным научным и образовательным уровнем [Campbell 1995; Кастельс, Киселева 2000]. Здесь мы не рассматриваем факторы этого отставания за исключением одного из потенциально вероятных. *В нашу задачу входит проверка направленности воздействия такого фактора, как национальная культура, на структурную перестройку экономики России, т. е. освоение информационных технологий и инкорпорацию в процесс глобализации.*

Пока не существует показателя, по которому наукоемкие технологии можно отделить от традиционных видов производств. Доля занятых квалифицированным трудом может быть значительна как в отраслях, производящих новые технологии, так и в отраслях, их потребляющих. Обычно высокие технологии определяют как охватывающие следующий набор отраслей: производство полупроводников, компьютеров, телекоммуникации, космос, программное обеспечение, биотехнология и т. д. Для перспективы включения разных стран и народов в мир наукоемкого производства имеет значение разделение труда внутри самих отраслей, относимых к «высоким технологиям». Из-за разных требований, предъявляемых к отдельным этапам производственного процесса, возможно его пространственное расчленение и кооперация даже во всемирном масштабе.

Так, американские фирмы предпочитают размещать производства первой стадии — НИОКР (высококвалифицированный умственный труд и опытное производство) — у себя дома, в США; второй стадии — производство элементов, требующих квалифицированного ручного труда, — в регионах, отличающихся высоким качеством технической культуры и долгой традицией квалифицированного индустриального труда (например, в Шотландии); третьей стадии — производственного цикла, требующего рутинной, трудоемкой, малоквалифицированной работы (сборка, изготовление элементов для электронных изделий и т. д.), — в таких странах, как Гонконг, Филиппины, Индонезия.

Можно считать доказанным, что ныне деление мира пролегает в первую очередь не между странами с развитой технологией и странами неквалифицированной сборки, а между странами, интегрированными в информационную экономику и исключенными из нее (не имеющими минимальных условий для внедрения современных технологий). «Новое экономическое разделение труда» 1970-х гг. исходило из низких издержек производства, что давало преимущества при размещении капиталовложений. Сейчас имеет большее значение само проникновение ведущих компаний на рынки страны, для чего необходимо улучшение технической инфраструктуры, особое качество технического труда, общий уровень образования населения и развитие средств сообщения. Поэтому преимуществом в международном разделении труда пользуются страны, имеющие низкую стоимость квалифицированного, в том числе и инженерного труда.

Таким образом, можно сделать вывод, что для дальнейшего развития стран и регионов (включая Россию), огромное значение имеет учет и правильное использование человеческих ресурсов, и особенно их инновационного потенциала, и на этой основе — формирование производственно-отраслевой структуры с перспективой включения в новую глобальную экономику в сегменте информационных технологий.

Закономерен вопрос — разве Россия до настоящего времени не участвовала в международном разделении труда? Конечно, участвовала, но в самой примитивной форме — обмена товарами. Причем, в товарообмене России с другими странами доминировал и продолжает доминировать экспорт сырья и импорт готовой продукции (исключение составляет лишь торговля оружием, в которой Россия и поныне занимает одно из ведущих

мест в мире). В настоящее же время международное разделение труда в виде торговли конечной продукцией на зарубежных рынках уступает место другой его форме — кооперации между поставщиками промежуточной продукции, представляющими предприятия обрабатывающей промышленности различных стран. В развитых странах доля подобных предприятий в совокупном производстве обрабатывающих отраслей уже давно колеблется от 1/3 до 1/2 [Безной, Панкин, Славинский и др. 1991, с. 73].

Такое разделение труда имеет два важных следствия: интенсивный обмен современными производственными и организационными технологиями и рост зарубежных инвестиций в экономику реципиента. Оба этих фактора непосредственным образом связаны с проблематикой данной работы. Инвестиции в зарубежную экономику определяются, в первую очередь, теми выгодами, которые получает предприниматель, используя дешевую, но приемлемую по качеству зарубежную рабочую силу, выгодами, которые должны превышать первоначальные вложения капитала и издержки на транспортировку сырья и продукции. Важную роль в принятии решений об инвестициях подобного рода играют наличие и качество организации свободных экономических зон, политическая ситуация в стране-реципиенте, особенности национальной правовой системы, включая законодательные акты, регулирующие отношения на рынке труда, продолжительность рабочей недели и т. д. В этот список одним из существенных элементов включаются качественные характеристики рабочей силы страны-реципиента.

Измерение качества рабочей силы имеет ряд общих, универсальных для всех стран параметров [Сулян 1990] (привычный уровень оплаты труда, общий уровень культуры и образования), а также целый набор ее национально-специфических черт, которые с трудом поддаются измерению^[2]. Общие качества рабочей силы определить достаточно просто: необходимо лишь проштудировать несколько статистических справочников потенциальной страны-реципиента инвестиций. Например, легко установить, что приемлемая заработная плата российского рабочего и инженера значительно, в несколько раз, ниже, чем требования западных специалистов аналогичного профиля и квалификации. По уровню общей культуры и образования российский работник вполне сопоставим с западным. Здесь, в частности, сказывается влияние многопоколенной «школы» промышленного производства, которая, согласно выводам ряда ученых, послужила важнейшим фактором формирования современного человека. Гораздо труднее выявить национально-специфические особенности рабочей силы. Для этого необходимы специальные исследования.

Современные технологии обладают одним важным свойством — они существенно повышают роль человека в производственном процессе. «В наши дни, — пишет японский исследователь М. Моритани, — механическая цивилизация переживает глубокий переворот: приобретая “мозг” (компьютер — *О.Ш., В.К.*), она начинает испытывать сильное воздействие культурной среды» [Моритани 1986, с. 47]. Роль человека в современном производственном процессе увеличивается за счет гигантского усиления значения творческого, наукоемкого и информационно-емкого труда. Возрастает масштаб издержек в результате неправильных действий работника; на порядки увеличивается «цена ошибки».

Характерно и одно из практических следствий этой новейшей ситуации. Производство в развитых экономиках опирается на образованных людей в возрасте 25—40 лет. Даже в этих странах остаются практически ненужными до трети и более человеческих ресурсов. Последствиями этой ускоряющейся тенденции, скорее всего, станет не массовая безработица, а предельная гибкость, подвижность работы, индивидуализация труда, наконец, высокосегментированная социальная структура рынка труда [Кастельс 2000б].

Возникает вопрос о ключевых личностных качествах работников в информационной экономике, качествах, которые не были массово востребованы в индустриальном производстве. Адекватный этому производству менеджмент рассматривал рабочую силу как любой другой вид ресурсов производства, поскольку индивидуальные, в том числе этнокультурные особенности работников лишь в незначительной мере могли влиять на

производственный процесс. Подобный тип управления начинает давать сбои, причем не только в информационном секторе экономики, но — по закону соединяющихся сосудов — во всей экономике (в силу единства общества как социокультурной системы) [Лавин 2000]. Выясняется, что по многим параметрам подготовленный, квалифицированный, развитый работник на одних рабочих местах, при определенном типе организации производства показывает худшие результаты, а в других производствах, при ином типе организации труда — наивысшие. Объяснение этому феномену простое — в информационно-емких технологиях принципиально меняется роль человека в производственном процессе.

На основе литературных источников [Кастельс 2000а; Моисеев 1998; Перепелкин 1994; Урманов 2000; Люк 2000 и др.] и зондажных исследований, проведенных нами в начале 1990-х гг. (об этом — ниже), можно предложить следующий перечень качеств — характеристик:

- готовность и подготовленность к постоянной инновационной деятельности;
- подготовленность к обработке и оценке информации как постоянной составляющей трудовой деятельности;
- умение действовать в экстремальных ситуациях, принимать нестандартные решения, анализировать возникающие проблемы;
- готовность и подготовленность к сочетанию личных и групповых интересов, установлению контакта внутри своей группы и с другими коллективами;
- инициативность, предприимчивость;
- включенность в систему непрерывного образования и повышения квалификации;
- сочетание технической и гуманитарной культуры;
- профессиональная, квалификационная, территориальная подвижность.

Таким образом, структура занятости и, соответственно, методы менеджмента претерпевают революционные изменения при переходе к новым информационным технологиям. При этом следует принять во внимание, что развитие глобальной экономики не погашает а, напротив, усиливает культурное и институциональное разнообразие наций/обществ, стимулируя в то же время их взаимозависимость.

Это демонстрирует анализ существенных различий наиболее продвинутых стран («большой семерки»), где можно выделить две доминирующие модели информационной экономики. Первая — «модель экономики услуг» представлена США, Великобританией и Канадой; вторая — «модель индустриального производства» — Японией и Германией. Франция в этой классификации занимает промежуточное положение, склоняясь к первой модели. Италия же формирует, видимо, некую третью модель, основанную «на сетях мелких и средних фирм, приспособленных к меняющимся условиям глобальной экономики, и [где — О.Ш., В.К.] готовится почва для своеобразного перехода от протоиндустриализма к протоинформационализму» [Кастельс 2000б, с. 222—225]. Западные авторы предлагают и другие классификации [Лэйн 2000], из которых во всех случаях следует один и тот же вывод — о разнообразии моделей современной экономики в наиболее развитых странах мира. Тем более нелепыми выглядят многолетние усилия радикал-либералов вогнать Россию в американскую модель развития.

Из сказанного выше следует важный вывод, предопределяющий идейный замысел нашего исследования. Все прежние (из индустриальной эпохи) оценки качеств работников, ранжировка национальных рабочих сил/человеческих ресурсов по их эффективности—результативности, оценивание успешных методов менеджмента во многом начинают представлять не практический, а лишь исторический интерес. И здесь-то обостряется вопрос о востребованности качеств русских работников и русских традиций менеджмента в глобальной/информационной экономике.

Успешная передача и освоение новых технологий непосредственно зависят от культурных особенностей работников страны-реципиента, от существующей здесь культуры труда и управленческой культуры. Следует иметь в виду, что культура труда и образованность тесно взаимосвязаны друг с другом, но это отнюдь не идентичные понятия.

Уровень образованности можно поднять при соответствующих затратах за непродолжительный период времени, тогда как культура труда формируется национальным историческим развитием и традициями, поэтому на ее изменение можно рассчитывать лишь в сравнительно длительной перспективе [Санто 1990, с. 190].

Итак, особую роль в формировании трудового потенциала, особенно его инновационной составляющей, играет национальная культура, формирующая устойчивые поведенческие стереотипы работника. Сейчас во всем мире распространены прикладные социолого-антропологические исследования этнических особенностей рабочей силы. Транснациональные корпорации за последние десятилетия при организации производств обязательно привлекают данные об этнокультурных особенностях будущих работников. Из отдельных черточек и характеристик специалисты синтезируют обобщенные портреты «типичного работника»: японца, китайца, мусульманина и т. д. В соответствии с этими данными и планируется вывоз капитала, проектируется система трудовых стимулов, конструируется оптимальная отраслевая структура. Русские также отличаются своими культурными особенностями, что, впрочем, раньше в управлении производством не учитывалось. Вместе с тем уже первые исследования показали, что их использование, опора на эти различия может иметь важное экономическое значение^[3].

В связи с этим получили распространение сравнительные международные исследования относительно готовности и пригодности разнообразных национальных контингентов рабочей силы к применению в тех или иных производствах. Можно выделить два наиболее отчетливо прослеживающихся направления этих работ. Первое в русле постэволюционистских идей изучает процесс формирования человека современного типа, противопоставляя его традиционному типу. Одним из лидеров этого направления является американский социолог и антрополог А. Инкелес. Этот ученый в течение десятилетий руководил исследовательской программой, изучавшей процессы модернизации (имеется в виду процесс индустриализации вместе с соответствующими ему изменениями в социальной сфере, культуре и психологии населения) в различных странах Европы, Азии, Африки и Америки. В ходе этого исследования были выявлены и эмпирически верифицированы характерные черты современного и традиционного человека, высказаны гипотезы о факторах модернизации [Inkeles, Smith 1982; Inkeles 1978; Inkeles, Diamond 1980].

Представители другого исследовательского направления, изучая этнокультурные различия между народами как нечто данное и в обозримом промежутке времени неизменное, анализируют влияние этой специфики на функционирование современных предприятий и организаций. Цель этой группы ученых — облегчить межнациональную (межкультурную) передачу технологий, управленческих навыков и кадров, уменьшить «потери», вызванные различиями в культуре страны-донора и страны-реципиента. Среди представителей этого направления, пожалуй, наиболее известен нидерландский ученый Дж. Хофстед. Им было проведено крупномасштабное исследование этнокультурных особенностей организации в нескольких десятках стран [Hofstede 1980; Гаськов 1988; Salk 2000; Laura, Spence 2000 и др.].

Самостоятельное значение имеет фактический материал, собранный зарубежными авторами, принципы его отбора и методы изучения. Анализ литературы позволил выяснить, что в западной науке собираются данные преимущественно об этнокультурном своеобразии трудового поведения промышленных рабочих развивающихся стран, при этом особое внимание уделяется тем из них, в экономику которых сделаны крупные инвестиции транснациональными корпорациями. Кроме того, изучается трудовая деятельность представителей национальных меньшинств, преимущественно мигрантов, в развитых капиталистических странах.

Изученная зарубежная литература и обзоры отечественных авторов позволяют выявить те компоненты культуры этноса (связанные преимущественно с традиционной этнической культурой), которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве, на меру и структуру ее эффективности (т. е. на качество

продукции, готовность к нововведениям, стабильность и текучесть кадров, удовлетворенность трудом и т. д.). К ним относятся:

1. система общих ценностей культуры;
2. традиционные ценности и нормы трудовой деятельности и связанная с ними структура мотивов трудовой деятельности;
3. иерархическая модель престижности профессий и участия в профессиональных занятиях;
4. характер профессионально-статусных и образовательных притязаний;
5. принятое в культуре распределение ролевых функций, закрепленных за половыми, возрастными и другими группами населения.

Среди всех элементов национальной культуры на деятельность человека в современном промышленном производстве в наибольшей степени влияют исторически сформировавшаяся система ценностей данного общества, социальные нормативы и трудовые традиции.

Система ценностей — это универсальная мотивационная структура, имеющая лишь определенный национально-культурный колорит. Как известно, впервые вопрос о воздействии на производственное поведение системы ценностей был исследован Максом Вебером. Он вычленил в мировых религиях этнический компонент, т. е. «коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию» [Вебер 1994, с. 43]. Вебер показал, что «важные для хозяйственной этики черты религий интересуют нас с определенной точки зрения, а именно по их отношению к экономическому рационализму, причем, поскольку и это понятие не однозначно, экономическому рационализму, который стал господствовать на Западе с XVI и XVII вв. в качестве компонента укоренившейся там буржуазной рационализации жизни» [Вебер 1994, с. 65—66; Вебер 1990]. Это явление М. Вебер и именовал «протестантской этикой» и оценил как один из факторов становления эффективной капиталистической экономики.

По его мнению, центральное для протестантского мировоззрения понятие «призвание» дает оценку рационально поставленному капиталистическому предпринимательству как богоугодному делу. Идеал протестантизма — «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель». Что касается рабочих, то «призвание» делает их приверженными идее «долга по отношению к труду», восприятию труда как самоцели, оцениванию «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью» — и все это в надежде на загробное воздаяние [Вебер 1990, с. 73, 83]. И у работодателей, и у наемных работников ценности протестантской этики формируют мотив достижения (добиться наивысших результатов в своей деятельности), чувство самостоятельности и личной ответственности.

Как справедливо отметил М. Кастельс, классическое эссе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и поныне остается методологическим краеугольным камнем осмысления сущности культурно-институциональных трансформаций, которые в истории возвещают новую парадигму любой экономической организации. Правда, веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос историками, которые справедливо указывали на альтернативные исторические формы, поддерживавшие капитализм столь же эффективно, как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах [Кастельс 2000б, с. 194].

Сходный комплекс ценностей зафиксирован и в буддистско-синтоистской Японии, и в конфуцианском Китае. Наиболее полно изучен феномен «японского чуда». Ведущие аналитики пришли к однозначному выводу, что немалую, если не определяющую роль в ускоренном развитии послевоенной Японии сыграло квалифицированное руководство, учитывавшее в числе прочего и национальные особенности японского работника. Так, проводя экономические реформы (после II мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину — архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей

государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество [Kिताхара 1996; Сакаия 1992; Пронников, Ладанов 1983]. Обычно указывают на преимущество миниатюрных изделий современной японской электронной промышленности по отношению к традиционному для страны искусству миниатюризации (вспомним знаменитые «бонсай» и «нэцке» — миниатюрные деревья и статуэтки). Вот этот кропотливый труд, столетиями создававший изысканные шедевры, живет теперь в высокоточных промышленных изделиях.

Конечно, модернизация общества и экономики в Японии была следствием долгого и кропотливого изучения западного (а по ряду направлений и российского) опыта. Но мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Соединение культурной традиции с достижениями индустриального мира привело к тому, что Япония стала первой древней цивилизованной страной, осуществившей скачок в современность [Емельянов 1999, с. 394—395].

Наиболее эффективными для современных обществ оказались системы ценностей, связанные с протестантской, буддистско-синтоистской и конфуцианской этиками, т. е. со специфическим отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. И хотя эти этические нормы были выработаны рядом западноевропейских и восточно-азиатских обществ, работы социологов, социальных психологов, специалистов по менеджменту показывают, что и в обществах с иной культурной традицией возможно целенаправленное формирование соответствующих ценностно-мотивационных структур [McClelland, Winter 1960; Pux 1996; Коваль 1994б; Коваль 1993; Коваль 1994а; Льюис 1999; Колесникова, Перекрестов 2000].

Этот процесс предполагает адаптацию работника к производству, причем существуют многие примеры успешной адаптации такого рода. Так, в литературе описывался опыт одной американской компании, разместившей свои предприятия в США, Канаде и Мексике [Shaiken, Herzenberg 1987]. За 18 месяцев работы мексиканское предприятие достигло 75 % производительности труда от американского при качестве производимых моторов, среднем между канадским (более низким) и американским. Авторы объясняют эти достижения тремя факторами:

1. работники в Мексике хотя и неопытны, но хорошо образованы и отличаются высокой мотивацией;
2. здесь были созданы и успешно функционировали бригадная организация труда и группы контроля качества;
3. менеджеры и инженеры со всего мира вели наблюдение за процессом производства.

Значительно более устойчивы и специфичны *социальные нормы* каждого народа. Именно они и на современных предприятиях во многом опосредуют «безличные» отношения типа «работник—работник», «управленец—работник». Достаточно устойчивым элементом национальной культуры являются трудовые традиции: привычные для людей характер, интенсивность, режим труда, приемы, умения и навыки, усвоенные через семейное и общественное воспитание. Вся система традиционного воспитания ориентирована на основные в данном регионе виды деятельности. Современное производство вынуждено адаптироваться к ним, причем эта вынужденная «уступка» дает иногда неожиданный и высокий результат.

Современная экономическая мысль не осталась безучастной к новой роли человека в производственном процессе. Все чаще национально-специфические черты рабочей силы рассматриваются экономистами как один из важнейших производственных ресурсов в классической модели соотношения спроса и предложения на факторы производства (такие, как избыток или недостаток квалифицированной рабочей силы, цены на сырье и энергоресурсы и т. д.) [The Political Economy 1987; Porter 1990; Post-Fordism 1994; Льюис 1999; Мясникова 2000; Фальцман 2000]. При рассмотрении новых стратегий реструктуризации деловых организаций в процессе перехода капитализма от индустриализма к информатизму (1980—2000-е гг.) многие авторы отмечают первостепенное значение

новых методов менеджмента, родившихся на японских фирмах в контексте японской национальной культуры. Это же относится к эффективным результатам деятельности китайской организации бизнеса, основанной на семейных фирмах и кроссекторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей [Кастельс 2000б; Castells 1998, p. 206—309].

Другими словами, по мнению авторитетных специалистов, в современной глобальной экономике новейшее международное разделение труда тесно взаимодействует с национальным разнообразием организационных форм и трудового поведения, имеющих различное институционально-культурное происхождение. Развитие национальной экономико-отраслевой структуры, инкорпорированной в глобальную экономику, предполагает учет и использование этнокультурных особенностей человеческих ресурсов, особенно их инновационного потенциала. При этом все прежние (из индустриальной эпохи) критерии отбора перспективных типов работников и менеджеров во многом лишаются практического значения. Редкостное исключение составляет Россия, которая десятилетиями, если уже не столетиями упорно примеряет чужеземные «одежки» менеджмента, без желания отделить универсальные черты организации экономики от ее институционально-культурной специфики. В этой связи для национальной экономики России обостряется вопрос о развитии преимуществ и востребованности качеств русских работников и русских традиций менеджмента на глобальном уровне.

Далее в статье рассмотрены отечественные и зарубежные исследования русской национальной культуры, которые позволяют реконструировать ее «экономический контекст». Мы разделили эти работы на два типа. К первому мы отнесли исследования, основанные преимущественно на макроподходе к объяснению русской этнокультурной специфики в сферах труда и управления. В отечественной и зарубежной мысли этот подход основательно развит такими известными учеными как Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Гумилев и др. Второй тип работ содержит анализ материалов конкретных экономико-антропологических и социологических исследований о проявлениях русской этнокультурной специфики в повседневной хозяйственной, социальной и духовной практике.

II. Характер и истоки русской трудовой и управленческой культуры. Макроанализ

В этом разделе мы рассматриваем факторы, определившие формирование в длительном историческом процессе специфических черт русской трудовой и управленческой культуры. Авторы концепций и более частных суждений, как правило, оценивали свой подход в качестве необходимого и достаточного обоснования и объяснения цивилизационной индивидуальности русской культуры и вытекающей отсюда своеобразности и истории и современного состояния России. Представляется, что каждая из значимых и научно фундированных концепций является обоснованием и раскрытием одного из факторов формирования современной российской цивилизации. Обобщая концептуальные подходы, сложившиеся в литературе, мы выделили следующие факторы: цивилизационно-экономический, геоклиматический, этноэкологический, этноконфессиональный.

Цивилизационно-экономический фактор

Здесь необходимо начать с рассмотрения более общей проблемы, имеющей многопоколенную традицию обсуждения: а имеет ли место вообще национальная (этнокультурная) специфика как фактор экономического развития, фактор эффективности трудовой деятельности.

Этот вопрос скрытно присутствовал во всех дискуссиях, шедших с конца 1980-х гг., относительно путей развития России. Среди сторонников либерального выбора преобладала убежденность в том, что никакая национальная специфика, никакие цивилизационные характеристики не имеют значения при определении экономической

стратегии. В качестве героев, прежде всего, фигурировали две личности — британский премьер-министр М. Тэтчер и чилийский диктатор генерал А. Пиночет. Пожалуй, многие из наших либералов были в большей мере тэтчеристами, чем самые отъявленные поклонники блистательной британской леди у нее на родине. В то же время сторонники учета цивилизационного своеобразия оказались в основном сосредоточены в рядах оппонентов рыночных реформ, сторонников сохранения провалившейся плановой экономики. В экономической российской политике восторжествовал дух чистейшего универсализма. Внеэкономические институциональные факторы экономического роста игнорировались. Были отброшены результаты исследований по сравнительной социологии цивилизаций, сравнительному менеджменту, современной институциональной экономической теории. Хотя печальный опыт 1990-х гг., казалось бы, является убедительным свидетельством правоты сторонников рационального сочетания универсализма и партикуляризма, обсуждения этой болезненной проблемы не завершены и поныне.

В качестве примера приведем высказывания участников дискуссии 2000—2001 гг. «Экономика — язык — культура» на страницах журнала «Общественные науки и современность».

Так, А.В. Кива пишет: «О чем говорит мировой опыт? Архетипы народа, национальная культура, характер религии и т. д. на деле не играют принципиально важной роли в экономическом прогрессе страны. Об этом свидетельствует потрясающий прогресс стран, сильно отличающихся между собой по этим характеристикам, таких, например, как США, Германия, Япония, Китай, “новые индустриальные страны” и др. Даже ислам, в догматах которого действительно есть немало того, что, казалось бы, должно стоять на пути развития бизнеса, не помешал быстрому экономическому прогрессу целого ряда исламских стран».

Казалось бы, уважаемый профессор — чистейший универсалист. Однако чуть дальше в той же статье он отмечает: «При этом, скажем, в Японии совсем по-иному, нежели в США, решались проблемы экономического развития. Там делалась ставка на коллективизм, солидарность, патриотизм, на достижение консенсуса по жизненно важным для нации вопросам, в то время как в США — на индивидуализм, на решение любых вопросов в парадигме “большинство — меньшинство”. Иначе говоря, добиваются завидных успехов в своем развитии страны с традициями как индивидуализма, так и коллективизма». Другими словами, хотел того автор или нет, он в очередной раз отметил главное — на общем для всего человечества пути к современной высокоразвитой экономике, среди инструментов по достижению цели важное значение имеет органичное использование специфических культурных традиций в труде и управлении [Кива 2001, с. 46].

Инициатор дискуссии на страницах журнала «Общественные науки и современность» В.А. Найшуль, напротив, стремится найти опору рыночным и демократическим преобразованиям в глубинных пластах отечественной культуры. Он считает: «Среди уроков последнего десятилетия, по-моему, один из важнейших заключается в том, что между экономическими достижениями страны и ее культурой существует явственная взаимосвязь. Вообще-то экономисты-культурологи проблемами этой взаимосвязи занимаются давно, но как раз сейчас появилось много новых данных, иллюстрирующих процессы взаимовлияния культуры и экономики, позволяющих по-новому взглянуть на них». В этой связи Найшуль приводит следующий пример: «На рубеже 1980-х и 1990-х годов в целом ряде государств началось постсоциалистическое реформирование, и сегодня мы видим, что есть большие различия в этом процессе в западно- и восточно-христианских странах. Если западнохристианские общества (причем как протестантские, так и католические) более или менее успешно преобразуют свою экономику, то общества восточнохристианские оказались в положении неудачников, и это наблюдение отнюдь не замыкается границами СНГ. Вспомним и Болгарию, и Румынию, и то, что далеко не в лучшем виде находится экономика Греции — единственной православной страны ЕЭС. Уже один этот факт заставляет задуматься над вопросами взаимосвязи экономики и

культуры» [Материалы 2000, с. 35]. Чтобы не возникло никаких недоразумений, напомним, что автор этих суждений — один из инициаторов рыночно-буржуазных преобразований в России, был и остается сторонником этого направления национального развития. Он убежден: «По-моему, русская культура рождена для рыночного устройства» [Материалы 2000, с. 46].

Этот спор не случаен. Науки об обществе по своему происхождению и содержанию носят европоцентристский характер. Доминирующие в мировой экономической и социологической науках теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы только применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они неадекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями. Это относится, прежде всего, к марксизму с его теорией сменяющихся социально-экономических формаций — от рабовладения вплоть до «рая на Земле», теоретической утопии — коммунизма. Об «отклонениях» К. Маркса с его размышлениями об азиатском способе производства — разговор особый, однако типичным для марксистского миропонимания была идея унитаризма, линейного развития человечества с различием народов и стран лишь по уровням развития.

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития — от традиционного общества — к частнособственническому, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) — от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего — к теократическому, и, наконец, — к венцу исторического пути человечества — к демократически-эгалитарному. При этом страны и народы оцениваются как находящиеся в разных «эшелонах» (на разных ступенях) движения к единому идеалу — универсальной западной демократии и либеральному капитализму.

Представляется, что как марксистский, так и либеральный унитаризм с их безальтернативностью эволюции человечества далеко не бесспорны. Не прошло и десяти лет после публикации знаменитой статьи — манифеста торжествующего либерализма — «Конец истории?» Ф. Фукуямы, как жизненные реалии поставили под сомнение справедливость идеи полной победы западной демократии [Фукуяма 1990, с. 134—148; *Fukuyama* 1992; *Fukuyama* 1996]. Суть проблемы сводится к раскрытию взаимосвязи существенных черт социально-экономической систем с системообразующими элементами цивилизаций разного типа. И здесь нельзя не вспомнить все чаще подтверждающийся прогноз профессора Самюэля Хантингтона о неизбежном столкновении все более сплывающихся цивилизаций [Huntington 1993]^[4].

Все существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития, в конечном итоге, основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первая идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество — государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории, в общем-то, и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации.

В течение тысячелетий (ибо данный тип цивилизации, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройству принадлежащих к нему социальных организмов) в основе таких обществ лежали следующие системообразующие элементы:

- государство как стоящая над всем населением всевластная божественная сила;

- властно-правовая иерархия;
- социальный статус, определяемый властью и престижем, а не имущественными различиями;
- зависимость индивидуального богатства от близости к власти;
- господство коллективной собственности сельской земледельческой общины и государства, олицетворяемого верховным правителем;
- земля по существу — как бы ничейная собственность;
- централизованное изъятие прибавочного продукта в виде ренты — налога, реализующего одновременно функцию государственной власти (налог) и функцию собственности на землю (рента).

Такой блистательный теоретик нашего отечественного либерализма, как Е.Т. Гайдар, конечно же, не мог не обратить внимания на эту важнейшую дихотомию мировой истории. Тем более что в последние годы только ленивый не писал о близости черт азиатского способа производства и социально-экономических реалий советского общества. Но он, как и остальные либералы, относит это к прошлому большинства народов мира, а пути развития, и светлое «завтра» он видит в едином типе организации экономики, едином типе цивилизации — либеральном капитализме. Отсюда вывод — о необходимости следовать «одной глобальной традиции», основанной «на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т. д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем — вот наша задача». Е.Т. Гайдар считает, что второй тип цивилизации выступает как догоняющая цивилизация [Гайдар 1995, с. 41].

Хотя, видимо, не следовало бы исключать и предположения о возможности некоей другой жизнеспособной альтернативы развития. Ведь, если мы признаем, что до сих пор развитие человечества шло нелинейным путем, то почему же мы должны отказываться признать эту нелинейность применительно к будущему, не принять нелинейность, разнообразие путей развития как закон истории?

Какое место в этом взаимодействии двух доминирующих цивилизаций занимает Россия?

Осмыслить современные события, раскрыть сущность настоящего можно, если «...ничего не придумывать, но попытаться понять логику развития самой России», ее 12-ти вековой истории [Чубайс 1998, с. 3; Чубайс 2000]. Отечественные авторы Ю. Пивоваров, А. Фурсов, И. Чубайс, А. Сусоколов [Сусоколов 1994] и многие другие отмечают решающую роль следующих факторов специфичности отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, национальной культуры и менталитета: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, — многовековой процесс собирания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие — огромного напряжения народных сил.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...» [Пивоваров, Фурсов 1999а, с. 188—189]. По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «Власть — все, население — ничто»; Власть — единственно значимый социальный субъект [Пивоваров, Фурсов 1999а, с. 189—190]. Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то

иной. «...Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта.

Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь — вече — боярство — церковь. ... ни в одном случае князь не был единственной властью — Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую.

... Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордунгу — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту “массу насилия”, которая обесценивала властный потенциал боярства и веча...

... Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь — по поручению Власти» [*Ливоваров, Фурсов 1999б, с. 182—183*].

К сходным выводам приходит и В.М. Межуев: «Власть в нынешней России при всем ее отличии от монархической и большевистской обладает чертами удивительного сходства с последними...

В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это — самовластие, семантически близкое к понятию “авторитаризм”, но с более понятным для нас русским оттенком. Оно — лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории...

... В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ — безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность. Власть в России самоопределилась по отношению не к обществу, а к народу (власть — субъект, народ — объект), что и придало ей не столько политический, сколько патримониальный характер. Народ и общество в России — взаимоисключающие понятия» [*Межуев 2000, с. 94, 95*].

Ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал Указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но этот документ не внес полной определенности в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее, можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим Указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, т. е. земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие «собственность», введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII в. Грамота декларировала «вольность и свободу дворян», добровольный характер их службы государству.

В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия купцов и мещан. И те, и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью [*Пайнс 2000, с. 248—249, 251; Миронов 2000*]. Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. Хотя в

целом можно сделать вывод, что в канун Октябрьского переворота уже побеждала европейская линия. В то же время следует отметить, что для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера. Эта двойственность сложившейся тогда тенденции развития страны объясняет, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле для торжества азиатской линии развития.

Эта же двойственность сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему именно в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, приведший к торжеству азиатской линии развития. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению была гораздо ближе к Западу, чем, скажем, Китай или Индия.

Представляется, что важным системным элементом анализа транзитивных процессов в современной России может стать идея евразийской культуры. Она может содействовать решению вопроса относительно характера происходящих в российском обществе перемен: означают ли они движение в направлении вестернизации, преодоления этакратизма и корпоративного евразийства или формирование особой социальной реальности. Много лет назад Ю.М. Лотман высказал интересную мысль: евразийство формировалось «по западную сторону границы, отделявшей оседлую европейскую цивилизацию от ВЕЛИКОЙ СТЕПИ, и по восточную сторону от конфессиональной границы, разделявшей истинное и еретическое христианство. Русь одновременно осознавала себя и центром мира, и его периферией, одновременно ориентировалась на изоляцию и интеграцию» [Лотман 1972, с. 5—6].

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру [Мир России 1995; Русский узел 1997].

Многие авторы обратили внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства» (отсылаю в этой связи к работам наших отечественных авторов — Л.С. Васильева, Р.М. Нуреева, Ю.В. Павленко [Васильев 1994; Нуреев 1989; Павленко 1989]). Сходство действительно обескураживающее. С точки зрения исследуемого нами вопроса это обнаруживаемое родство может помочь пониманию и объяснению особенностей русской ментальности и трудового поведения.

Историю дискуссий по поводу неоспоримого родства советского этакратизма и азиатских деспотий (с печальной судьбой их участников в годы советской власти) и результаты собственного сравнительного анализа двух феноменов: восточной деспотии и тоталитарных обществ XX века подробно изложил А.В. Пименов в цикле статей под характерным названием «Дряхлый Восток и светлое будущее», опубликованных журналом «Мир России» в 1999 г. Он справедливо замечает: «Близость обществ “реального социализма” к деспотиям Древнего Востока — давно уже не новость, а, скорее, общее место... Природа же этого сходства по-прежнему не ясна» [Пименов 1999, с. 59].

Советское и раннее постсоветское российское общества мы оцениваем как особую социально-экономическую и политическую систему, не относящуюся ни к капиталистическому, ни к социалистическому типу. Этакратизм — самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа. Характеристики этакратического бесклассового общества:

- обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть—собственность»;
- преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления;
- государственно-монополистический способ производства;
- административно-плановая система;
- доминирование централизованного распределения;
- экономика дефицита;
- развитие неформальной экономики;
- зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);
- милитаризация экономики;
- сословно-слоевая стратификация иерархического типа;
- корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений;
- социальная мобильность, как организуемая сверху селекция преданных системе людей;
- отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партократии;
- имперский полиэтничный тип национально-государственного устройства^[5].

На первый взгляд, семь послереволюционных десятилетий были периодом торжества развития на основе «азиатских» исторических напластований. В то время разрушались социально значимые горизонтальные связи, во многих отношениях деградировала инфраструктура личностного развития, исчезло право на свободный выбор моделей жизни, шла деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности. Все это привело к воспроизводству среднетипических, «усредненных» индивидов. В этом отношении можно говорить о том, что подлинно цивилизованного способа существования в советском (этакратическом) обществе не было.

Однако, в те же годы возрастающая глобализация мировых экономических и общественных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению этакратическим обществом новейших форм и достижений цивилизации (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). Это, в противовес всей логике развития советской системы, вело к расширению и укреплению базы европейской культуры, базы становления готовности к рынку и гражданскому обществу. Другими словами, как и в предыдущий период национального развития, российскому социуму была присуща двойственность форм жизнедеятельности.

Отнесение России к обществам этатистского (этакратического) типа дает лишь первое приближение к объясняющей концепции национальной культуры в ее влиянии на трудовую этику, производственное поведение и специфику русского менеджмента. Обращение к работам социальных философов, историков, социологов дает возможность вычленив Россию и русских из общей массы стран и народов с этатистской исторической судьбой, перейти от слишком обобщенной типологии (Запад—Восток) к более предметной типологии локальных цивилизаций. В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимала лидирующие позиции [Хантингтон 1995, с. 5; Хантингтон 1994, с. 37—38; Яковенко 2002, с. 11—19; Орлова 2000; Пастухов 1992, с. 59—75; Межуев 2001, с. 287—601].

Деятели культуры Запада Россия воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Так, Г. Гегель даже не включал русских в свой перечень «христианских народов Европы». И уже в XX в. Герберт Уэллс писал о России как стране полувосточной, полузападной. Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия — некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света.

Освальд Шпенглер утверждал, что Россия — кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» [Шпенглер 1993, с. 110]. Интересно, что Россия тем же автором воспринималась как еще «не завершенная» культура. В построенной им типологии мировых цивилизаций О. Шпенглер относил Россию к «назревающей», становящейся культуре, которой предстоит еще только заявить о себе в полный голос, в той мере, в которой позволит это сделать огромный потенциал ее роста.

Однако, Шпенглер, по справедливому суждению П.А. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты выдающегося русского ученого, историка и социолога Н.Я. Данилевского [Sorokin 1951, p. 359; Пивоваров 1992, с. 167—168]. Мысль о том, что Россия еще не завершила свое цивилизационное строительство, но, напротив, во многом только начинает свое шествие, подробно развита в знаменитом труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 г.), в котором он изложил свою теорию культурно-исторических типов. По его мнению, России еще только предстоит сформировать свою цивилизацию, основанную на своих собственных духовных принципах. Данилевский глубоко чувствовал своеобразие русского культурного типа. Он не признавал универсализм романо-германской культуры. Он не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней как о единственной, он воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной с европейской [Данилевский 1995].

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [Тойнби 1995, с. 156]. Россия претерпела вызов природы, вызов Азии и вызов Запада. Тяжелые природные условия заставляли ее развиваться экстенсивно, расширяя географические пространства. Ответом на вызов Азии, а именно — монгольского нашествия, явилось оседлое земледелие и укрепление православия [Тойнби 1991]. Наличие или отсутствие культурного синтеза — это ключевая проблема для интерпретации процесса культуuroобразования в т. н. пограничных цивилизациях, которые возникают на периферии стабильных, крупных цивилизаций. ... Евразийское пространство между «Западом» и «Востоком» рождает крупнейшую «периферийную» цивилизацию — Россию [Ахиезер 1991; Цивилизационные исследования 1996].

Согласно пассионарной теории культур Л.Н. Гумилева, «пограничность» не является постоянным свойством цивилизаций, а характеризует определенный этап их развития. Это объясняет относительность «периферийности» русской культуры [Гумилев 1994б, с. 501—502]. Современная Россия находится на рубеже вступления в новую для себя фазу — инерции, для которой характерны устойчивость развития, четкая культурная идентификация, осознанность важности «малых дел».

Геоклиматический фактор

Относительно разработанной макроконцепцией русской уникальности является геоклиматическая концепция, адресованная к «неустранимым» системным свойствам русской территории. В доиндустриальных обществах природная среда играла огромную роль в формировании типа хозяйства, всей системы жизнедеятельности людей, трудовых навыков, умений и т. д. Лучшие результаты опыта, практики закреплялись; формировались этнические традиции освоения территории, трудовой деятельности. Эти традиции не могли не оставить след в национальном менталитете (в том случае, если данный вид трудовой деятельности, определенные традиции труда становились достоянием широких масс людей). Сложившиеся за многие поколения системы воспитания были ориентированы, в первую очередь, на формирование работника, обладающего необходимыми для хозяйственной практики данного общества трудовыми навыками и психологическими

чертами. Исследования по отдельным народам показывают, что традиционные системы воспитания даже и при изменении типа хозяйства продолжают влиять на формирование трудовых навыков и особенностей психики значительной части населения. Мы имеем дело с нередким случаем инерции этнической традиции. Ее можно использовать или стремиться изжить, но в любом случае необходимо учитывать.

Геоклиматическая концепция формирования русской цивилизации обосновывает уникальность российского развития, менталитета, социально-культурного и психо-социального типа людей, которые живут на территории центральной России, тем обстоятельством, что формированием культуры происходило в условиях необычных перепадов природных процессов [*Ильин, Ахиезер* 2000; *Паршев* 2001; *Першин* 1961].

Природные процессы колеблются во всех странах. Но именно в континентальной части Центральной России, где сформировалось ядро русской нации, и перепады были настолько велики, что результаты труда давали большой разброс результатов. Здесь скрыта существенная черта формирования особенной ментальности. Факты поразительны. Например, обследование, которое сделано в царской России по всем уездам 25 губерний (в основном центральной России) в период между 1891 и 1915 гг., показывает, что отношения максимального и минимального урожая по годам составляли: в Самарской губернии — 7,3 раза, в Воронежской — 7,05, Казанской — 5,67, Симбирской — 6,2. Уровень колеблемости отдачи от вложенного труда коренным образом отличается от того, который наблюдается в земледельческих районах других стран. Так, в Европе в те же годы вариативность в размерах урожая составляла максимум 1,5—2 раза [*Першин* 1961].

Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была замечена еще В.О. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убрать с поля. ... Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [*Ключевский* 1956, с. 313—314].

Через столетие другой выдающийся историк России американец Дж. Биллингтон как бы продолжил канву мысли В. Ключевского: «Голод на севере тоже ходил поблизости, поскольку пора, благоприятная для роста растений, была здесь короткой, а почва бедной и, чтобы посеять зерно, требовалось сначала, затратив много усилий, выкорчевать деревья и вспахать землю деревянным плугом. Но лес вызывал еще и особые страхи — страх перед насекомыми и грызунами, уничтожавшими посевы, и перед огнем, пожирающим все на своем пути.

... Даже когда северный мужик расчищал и засеивал поле и строил избу, ему досаждала невидимая армия насекомых и грызунов, проникавших сквозь доски пола и уничтожавших урожай» [*Биллингтон* 2000, с. 52].

Вот данные из недавнего прошлого, когда, казалось бы, равномерность труда по сезонам за счет общей интенсификации сельскохозяйственного производства заметно возросла. В 1850-х гг. число нерабочих дней в году для крестьянина равнялось 230, среди них 95 праздничных; в 1902 г. — 258 нерабочих дней, среди которых 123 праздника! При этом «праздность» имела объективные причины — значительная часть нерабочих дней пропадала из-за непогоды [*Миронов* 2001, с. 100—103].

Ставшие стереотипами поведения, словно бы впитанные с молоком матери, эти навыки «рваного», некропотливого, неритмичного труда сказываются на всех видах и родах трудовой деятельности. В свое время один из наших известнейших ученых И.П. Павлов отмечал, что для русских мало характерны такие качества, как кропотливость,

сосредоточенность, последовательность в выполнении задачи. «У нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налет. Это, очевидно, мы и считаем признаком талантливости, кропотливость и усидчивость для нас плохо вяжется с представлением о даровитости.

... Как только человек привязался к одному вопросу, у нас сейчас же говорят: “А! это скучный специалист”. И посмотрите, как к этим специалистам прислушиваются на Западе, их ценят и уважают как знатоков своего дела. Не удивительно! Вся наша жизнь движется этими специалистами, а для нас это скучно... Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта» [Павлов 1991].

Есть и другие показатели, но все они сводятся к одному: Россия представляет собой континентальную страну с трудно осваиваемыми территориями, суровым климатом, ограниченным доступом к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями, имеет огромную протяженность, которая, с одной стороны, предоставляет необъятные запасы ресурсов, но, с другой стороны, затрудняет их транспортировку. Оттого единица производимого и перевозимого продукта в стране всегда дороже, чем в иных частях света. В литературе встречаются нуждающиеся в проверке расчеты сравнительных затрат на единицу продукции в России и странах с более благоприятным географическим положением и климатом. Так, интересны следующие суждения. Например, о транспорте: «Плотность населения напрямую влияет на транспортные расходы. Если ... равномерно разместить население каждой страны на ее территории, то англичане, немцы, японцы окажутся на расстоянии около 60 метров друг от друга, тайцы и французы — в 100 метрах. А вот между русскими расстояние будет 570 метров» [Паршев 2001, с. 73]. То же касается богатства теплоносителями, которое оказывается весьма иллюзорным: скажем, если «в Индии достаточно открыть окно, чтобы согреть помещение» [Паршев 2001, с. 65], то в России все заводы, фабрики и жилые дома приходится отапливать практически две трети года.

Однако можно провести сравнения и с теми немногими высоко развитыми странами, которые также расположены вне зоны основного расселения человечества: Финляндия, Канада, Норвегия. И тут сравнение будет не в пользу России. Более того, трудно найти в литературе какие-либо упоминания на притязания этих стран на скидки по поводу суровости климата. Впрочем, есть же свои «прелести» в субтропическом и, тем более, в тропическом климате.

Несмотря на эти оговорки, следует признать, что данная географическая среда, приводившая к непредсказуемости результатов труда, явилась существенным фактором, повлиявшим на формирование русского характера. Эти особенности русских нашли яркое проявление в сказках, пословицах и поговорках [Собчик 1997; Касьянова 1994; Иваницкий 1997; Верховин 2001; Верховин 1997].

Этноэкологический фактор

Наряду с цивилизационно-экономическим и геоклиматическим факторами специфического развития России важную роль играет этноэкологический фактор, т. е. характер среды формирования и последующего развития этноса.

И первая проблема, которую хотелось бы отметить в этой связи, заключается в степени моноэтничности населения России. Если в Советском Союзе существовали народы разной исторической судьбы, с относительно целостными экономиками, со сложившейся государственностью, с преимущественным преобладанием «титального» этноса — народа на своей территории, то возникшее новое российское государство, помимо прочего, отличается от бывшего СССР преимущественной моноэтничностью. Здесь ясно и определенно преобладают люди одной культуры и одной исторической судьбы — русские. По национальной культуре и языку современная Россия — одно из самых однородных государств мира. Уважая права на культурную самобытность всех народов России, мы не можем не учитывать фактора доминирования моноэтничности в государственном строительстве и экономической политике. Русских — около 82 % всех граждан (здесь и

ниже приводятся данные переписи населения 1989 г., к сожалению, позднее всеобщей переписи не было).

В России проживает 27 млн нерусских, что составляет 18,5 % от общей численности населения; из них 7,5 млн человек назвали русский язык родным; 9 млн человек представляют собой диаспоры зарубежных народов (4,3 млн украинцев, 1,2 млн белорусов, 636 тыс. казахов, 532 тыс. армян и т. д.); и еще почти столько же — представители внутрироссийских диаспор, т. е. лица, проживающие за пределами своих республик и автономных округов. Остальные 10 млн человек — это представители титульных народов, проживающие в своих республиках и автономиях. Именно с этой частью российских граждан, составляющих 7 % населения, связаны наиболее сложные и трудно разрешимые национальные проблемы России.

На наш взгляд, этнокультурная однородность государства повышает его динамизм, его потенциал в развитии экономики. И малые, и большие народы в качестве базы своего воспроизводства имеют этническую территорию, своеобразную этноэкологическую нишу, основной ресурс сохранения и развития национального языка и культуры. Фактически все быстро развивающиеся современные государства или мононациональны (как Япония), или имеют в своей основе этническое ядро крупного народа (таким этническим ядром можно считать W.A.S.P. [белые, англосаксы, протестанты] в США). «Отход» от модели мононационального государства обычно сопряжен с конфликтностью, дополнительными трудностями в развитии. Национальное государство существенно повышает жизнеспособность этноса. Мы, конечно же, имеем в виду не расистское единство «по крови», а общность языка и культуры. Мы учитываем то, что плотность информационных связей внутри объединенных общностью языка и культуры социумов выше, чем между разными этносами. Выдающийся русский гуманист Н.А. Бердяев в 1923 г. писал: «Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным ... Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни» [Бердяев 1990, с. 103].

Однако моноэтничность представляет собой лишь одну из характеристик экологической ниши русского этноса, учет же всего их комплекса нашел отражение в работах современного отечественного автора А.А. Сусоколова, который сформулировал этноэкологическую концепцию развития России [Сусоколов 1994].

Особенности политических, социальных и культурных изменений в русском этносе на протяжении XX в. он рассматривает как следствие перехода российской цивилизации от экстенсивного к интенсивному типу. Русский этнос, по всей видимости, единственный на евразийском материке, который на протяжении, по крайней мере, шести веков, до середины XIX в. практически непрерывно расширял территорию обитания. Это позволяло ему вовлекать в сферу жизнедеятельности все новые земельные и другие природные ресурсы (леса, полезные ископаемые и т. д.). Непрерывно росли и людские ресурсы, поскольку для русского этноса на протяжении почти всей его истории был характерен высокий естественный прирост, особенно усилившийся в конце XIX — начале XX вв., в период демографического перехода. Возможность экстенсивного развития этноса на основе неограниченности всех видов ресурсов позволяла постоянно снимать противоречия, вызревавшие внутри каждой его ячейки, не изменяя принципиально его структуры. Так, устойчивость основной ячейки этноса — сельской русской общины — достигалась за счет оттока «лишних» людей за пределы основной территории расселения этноса.

Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру как от культур Западной Европы, где такие возможности были исчерпаны к XII-XIV вв., так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи. Культуры, ставшие сейчас для нас референтными, в течение многих столетий развивались как культуры преимущественно интенсивные.

Противоречия, возникающие в процессе экстенсивной урбанизации, разрешались за счет привлечения практически неограниченных людских и природных ресурсов. Таким

образом, получался замкнутый круг, который оказался разорванным в результате первого кризиса экстенсивной модели развития, политическим воплощением которого стала Великая Октябрьская революция. Основной причиной этого кризиса явилась все еще сохранявшаяся возможность экстенсивного развития на основе традиционных для русского этноса сельскохозяйственных технологий. В то же время выход из этого первого кризиса был реализован только за счет форсированного развития тех традиций, которые лежали в основе культуры этноса на момент кризиса. Эта стадия развития русского этноса продолжалась в течение жизни трех поколений и соответствовала периоду строительства «реального социализма»; она была исторически необходима потому, что делала очевидным несоответствие традиционных принципов экстенсивной культуры новой ситуации.

Русский этнос в 1920—30 годы не был готов ни к развитию демократических институтов власти, соответствующих требованиям европейской модели, ни к «введению» рыночных отношений, так как принципы менталитета массы людей, выброшенных из села в город и образовавших там маргинальные слои, не могли служить базой развития этих институтов. Именно в процессе «строительства социализма» произошли значительные изменения системы ценностей, господствующих среди основной массы, делающие возможным новый шаг в переходе от экстенсивной к интенсивной модели развития.

Условием перехода к интенсивной модели развития является исчерпание трех источников, обеспечивавших в течение столетий возможность привлечения неограниченного количества ресурсов для разрешения внутренних конфликтов — высокого естественного прироста, вновь осваиваемых земель и сверхдешевого сырья (руда, энергоносители и т. д.). Столкнувшись с необходимостью коренной перестройки, этнос на первом этапе перехода способен придерживаться только тех традиций, которые заложены в нем на момент начала кризиса. Поэтому первой его реакцией является форсирование, доведение до крайнего предела прежних принципов экстенсивного развития. Эта стадия развития соответствует периоду «строительства социализма», который завершается вторым кризисом экстенсивного развития.

В конце XX в. русский этнос вступил в принципиально новую стадию своего развития — окончательный переход от экстенсивной к интенсивной модели развития. С этим связаны качественные изменения, которые затрагивают как структуру этноса, так и содержание русской культуры в широком смысле слова. Главным направлением начавшихся структурных изменений являются дифференциация русского этноса, кристаллизация устойчивых групп (территориальных, социальных, этнокультурных), формирование настоящей урбанистской культуры и качественно новых городских локальных субкультур.

На новом этапе усиливается роль конкуренции как фактора, влияющего на все стороны социальной жизни русского этноса, поскольку в процессе экстенсивного развития конкуренция погашалась за счет привлечения дополнительных ресурсов. Соответственно усиливается роль социальных и культурных механизмов, регулирующих последствия конкуренции (в частности, закона в жизни общества как принципа управления по сравнению с личным указом). Противоречия между принципами экстенсивной и интенсивной культуры проявляются как на межгрупповом уровне, например, между группами, воспринявшими принципы интенсивных культур, и группами, сохраняющими приверженность экстенсивным нормам, так и на внутригрупповом уровне, что приводит к возрастанию психологической напряженности в этносе. В целом восприятие основных принципов интенсивной модели русскими неизбежно, однако, их культура изначально формировалась как экстенсивная, и неизвестно, не приведет ли необходимость перестройки к утрате ее лучших качеств или даже целостности. К тому же русская культура является последней экстенсивной культурой Земли, и тем важнее ответить на вопрос, возможно ли ее выживание в новых условиях, так как ее утрата может оказаться роковой для общемировой цивилизации.

Этноконфессиональный фактор

Говоря об этноконфессиональном факторе развития трудовой и деловой русской культуры,

следует отметить, что он является следствием взаимодействия (переплетения) в отечественной истории трех традиций: язычества, византийского православия и русского сектантства. В том же хронологическом порядке они и возникли, сформировав три пласта русской национальной ментальности. Каждая из этих традиций занимает специфическое место в формировании духовного склада русского народа. Так, язычество исторически задало некие «начальные условия», на которые легло и с которыми «срослось» византийское православие. Секты показали, что в России могут быть созданы хозяйственные типы, близкие западным, но в то же время, секты создали лишь маргинальные слои в России. Однако именно православие внесло решающий и наиболее масштабный вклад в формирование российской культуры, именно оно создало «модальный» для русского этноса тип личности.

Связывая «капиталистический дух» с протестантской этикой, М. Вебер сделал акцент на том, что протестантизму уже предшествовала длительная традиция монашеской аскезы. На Западе церковь развивала эту традицию еще с конца 400-х гг., предписывая, кроме молитвы, также физический труд (до 7 часов в день) и ежедневные ученые занятия [Карсавин 1992]. Это способствовало формированию в монастырской среде средневековой Европы культурного слоя, ставшего хранилищем экономической культуры и «римской» образованности.

В Древней Руси православие было принято как этика, адекватная совершенно иного характера традициям. Как показал Л.Н. Гумилев, в числе основных причин выбора православия князем Владимиром была приемлемость этических норм уже существовавшим традициям. Так, например, мусульманским муллам князь Владимир отказал известными словами: «Руси есть веселие пити...» Такой была реакция на принципы ислама: не пить вино, не есть свинину [Гумилев 1994а, с. 58; Карамзин 1988, с. 102]. Конечно, гораздо большее значение имела отмеченная тем же Л.Н. Гумилевым роль православия как самостоятельной этики. Отмечая его значение в обуздании языческих стихий, он пишет: «Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе... Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю» [Гумилев 1994а, с. 61].

Эта точка зрения получила своеобразное развитие у К. Касьяновой, которая пишет о православии как об институте преодоления негативного национального «генотипа», который характеризуется чертами агрессии: «...необычайно сильное подчеркивание в православии значения смирения есть, по всей видимости, культурная реакция на генотип». Однако, по ее мнению, ни о какой окончательной победе православной этики над «языческими стихиями» говорить нельзя: «Когда отказывает механизм смирения и чувство вины, тогда... возникают идеи параноического и маниакального типа вроде “Москвы — Третьего Рима” — в эпоху Ивана Грозного, превращения России в “настоящую” Европу по образу Голландии — во времена Петра I или построения социализма в одной отдельно взятой стране — при Сталине» [Касьянова 1994, с. 244].

Таким образом, с самого начала имела место некая специфическая форма сосуществования двух этик — языческой и православной, элементы каждой из которых проявлялись в различные периоды и в различных сферах жизни. Как справедливо отмечает Дж. Биллингтон: «Исконный языческий натурализм, по-видимому, ... периодически оказывался в оппозиции к христианству, которое слишком поздно пришло из солнечных южных стран. ... В Великой Руси имело место не столько двоеверие, сколько постоянное проникновение первобытного анимизма в развивающуюся христианскую культуру» [Биллингтон 2001, с. 48].

Рассмотрим теперь основные характеристики православной доктрины, чтобы оценить потенциал ее влияния на развитие национальной экономической культуры. С экономической точки зрения, православная доктрина чаще всего критикуется за «слабость» и «непродуктивность» трудовой этики. Начнем с того, что считается основным достоинством «конкурента» православия — протестантизма. Протестантская этика подразумевает равенство людей на старте, равенство гражданское и, тем самым, не

исключает последующей имущественной, экономической дифференциации, стимулирует на постоянное испытание верующим своей избранности посредством труда и успеха как его следствия. В этом смысле, протестантизм органично соответствует рыночным отношениям. Ведь даже конфуцианская трудовая этика, содержащая традицию методичного самоиспытания, стоит ближе к протестантизму, чем православие, которое предполагает «равенство на финише», т. е. находится в полном противоречии с духом капитализма [Мясникова 2000, с. 40—41; Гловели 1993].

Исследователи отмечают, что в фольклорном религиозном сознании трудовые модели, которые должны были присутствовать в житиях святых, почти не закрепились, так как не были ни «престижны», ни «перспективны» с точки зрения православной концепции спасения души... И действительно, православная доктрина рисует совершенно особый путь к богоизбранности: если «человек усердно молится и вдруг — результат, это означает, что он божий избранник... При отсутствии идеи труда как процесса в образах святых они, тем не менее, характеризуются идеей результата. Точнее — идеей одномоментного достижения результата посредством чуда» [Жижко 2000, с. 204].

Истоки православного безразличия к хозяйственной жизни разные авторы находят еще в византийской православной традиции. Так, например, Е.В. Жижко отмечает, что византийское «православие представляет труд как наказание, расплату, следствие греха... считается, что богатство — грех, а бедность — добродетель...» [Жижко 2000, с. 203].

Анализируя византийскую православную традицию, важное замечание делает Т.Б. Коваль: «...иноческий “град”, сосредоточенный на молитвенном подвиге и созерцании, хотя и имел большое влияние на общество, сам отличался безразличием к духовным судьбам мира. ... Социальная и хозяйственно-экономическая жизнь в миру оставалась целиком и полностью во власти языческих стихий. Повседневный труд, профессиональная деятельность, взаимоотношения людей в процессе производства и потребления не соотношались с их верой, не просвещались высшим смыслом служения Богу и ближнему» [Коваль 1994, с. 82; Зарубина 2001б, с. 100—101; Фальцман 2000, с. 47].

Мы видим, что одна из основных черт православной этики состоит в том, что область ее действия не распространяется на бытовые стороны жизни. Поэтому вполне понятно, что экономическая культура всегда находилась не на самом высоком уровне в православной России, и даже неудивительно, если вспомнить об изначальной языческой природе России, что при снятии некоторых государственных ограничений (как произошло, например, при современном русском «капитализме») экономика просто становится областью «вне морали».

Но даже если ограничения той или иной природы предотвращали проявление «языческих стихий» в хозяйственной практике, то и в данном случае православие не могло, как правило, создать продуктивное в веберовском смысле поле нравственных императивов. Об этом можно судить, вновь обратившись к примеру Византии: «...византийцы не стремились к совершенствованию орудий труда ни в сельском хозяйстве, ни в городском ремесле. Гарантией успеха считался не инструментарий, а мастерство самого ремесленника. Он владеет руками и более ничем.

Православное богословие по-своему поддерживало этот тезис, считая, что ремесленные орудия бесполезны, если отсутствует искусный мастер, способный преобразовать сырье в шедевр. Мастер и его навыки, таким образом, становились превыше всего. В результате архаичность орудий производства была характерна как в сельском хозяйстве, так и в ремесленных мастерских» [Коваль 1994, с. 77].

Таким образом, православие явно или неявно формировало своеобразную гедонистическую мотивацию трудовой деятельности. Труд оказывался ценным только в связи с тем, что сам его процесс доставлял удовольствие мастеру. Другая возможная составляющая трудовой мотивации (труд как источник прибыли) православной этикой была в значительной степени блокирована. И действительно, «...к прибыли, полученной от ремесла и торговли, в православном византийском обществе отношение было отрицательным» [Коваль 1994, с. 77].

Здесь необходимо упомянуть и о другой стороне воздействия православной этики на отношение русских к способу приобретения и сохранения богатства. Именно православная этика формировала в предпринимательской среде такие качества, как высочайшее доверие к партнеру, верность слову даже в ущерб собственной выгоде, использование беспроцентного кредита, корректное отношение к конкурентам и т. д. [Афанасьев 1993; Платонов 1992 и др.].

Наконец, еще одним характерным элементом православной трудовой этики была широкая распространенность крестных ходов и просительных молений о хорошей погоде, богатом урожае, в память о неурожае, градобитии, в связи с началом и окончанием сева и т. д. [Русские 1999, с. 191]. Можно утверждать, что православный ритуал во многом замещал у русского крестьянина экономическую рациональность.

При этом существует точка зрения, что сама православная церковь никогда не относилась негативно к предпринимательству [Зарубина 2001a]. В специальных исследованиях достаточно четко показано, что православие не содержит в себе, в отличие от протестантизма, вероучительных стимулов для предпринимательской деятельности. Но, вместе с тем, оно и не содержит каких бы то ни было установок на то, чтобы эту деятельность перекрыть. В православии духовный путь с мирской активностью не совпадает, но он ее и не перекрывает. Можно сказать, что православие является по отношению к предпринимательской деятельности институтом нейтральным.

Третьей значимой традицией в рамках этноконфессионального фактора, сформировавшего современную экономическую культуру русских, является старообрядчество и сектантство.

Многие авторы небезосновательно отмечают, что Раскол расчистил путь для продвижения капитализма в России. Старообрядцы стали примером высокой созидательной энергии и культурной инициативы. Принудительное отделение от государства в XVII в. позже часто давало староверам серьезные духовные преимущества перед теми, кто машинально следовал за строго регламентированным империей господствующим Православием. В противоположность обычно невежественному православному, для раскольника, обычно грамотного, церковная книжность была умственной гимнастикой, школой принятия решений на основе личных суждений, необходимой для успеха в торгово-промышленной сфере [Жунин 1998, с. 91—112].

Петр I, борясь с раскольников, вместе с тем предоставлял льготы тем старообрядцам, кто занимался ремеслами и промыслами. В результате количество промышленных предприятий, не считая ремесленных мастерских, в течение XVIII в. выросло в 10—12 раз [Горичева 1993, с. 44—53]. Характерно, что в старообрядческих монастырях, как это подметил блестящий знаток раскола П. Мельников-Печерский: «...хозяйство шло впереди духовных подвигов. ... В стенах общины каждый день, кроме праздников, работа кипела с утра до ночи» [Мельников-Печерский 1956, с. 312]. В массовом сознании XIX—XX вв. старообрядческий монастырь прочно ассоциировался с богатством и налаженным хозяйством [Зарубина 2001b, с. 110].

С экономической точки зрения также интересен пример сект духовных христиан — как духоборов, так и молокан. Как и для раскольников, для них были характерными иная, чем в православии, этика труда и иной духовный тип «экономического человека». Они были ориентированы на «рациональное» ведение хозяйства, т. е. объективно — на развитие буржуазных отношений. Духовные христиане создали оригинальное вероучение, и на основе него — свой хозяйственный этос, который позволял им так организовать свою работу и быт, что их уровень жизни был всегда намного выше, чем у их православных соседей [Коваль 1994, с. 273; Коваль 1993, с. 20—62]. В качестве одного из свидетельств можно привести следующее. Санкт-Петербургская газета «Утренняя звезда» писала в 1910 г.: «Молокане Амурской области стояли во главе всех отраслей хозяйственной и общественной жизни края. Пароходные общества, лесная торговля, мукомольное, сыроваренное дело, учреждения денежного кредита организуются и управляются ими» [Цит. по Коваль 1994, с. 273].

В качестве одной из возможных причин экономического успеха как старообрядцев, так и «духовных христиан» могла быть изгнанность, исключенность этих групп из русской общности. Как справедливо отмечает Н.Н. Зарубина, «для старообрядцев ... стимулом послужила именно их сосредоточенность на себе, их замкнутость, их уверенность в собственных силах и, безусловно, давление на них извне. Они ведь не могли опереться на государство, и вообще ни на что, кроме как на самих себя. Для них были перекрыты абсолютно все каналы социальной мобильности, кроме собственно экономического» [Зарубина 2001а, с.33].

III. Национальные хозяйственные стереотипы: феноменологический подход к анализу русской трудовой и управленческой культуры

Более детальную информацию о национальной этнокультурной специфике по сравнению с макротейоретическими построениями дают специальные сравнительные исследования современных социологов и психологов, позволяющие оценить степень выраженности тех или иных качеств русских по отношению к представителям других народов.

Социальная организация в своих основных чертах — одна и та же во всех отраслях экономики и регионах мира. Но в пределах этой общности, в главном и основном, социальная организация не только предоставляет каждому работнику возможность для проявления его лучших личностных, в том числе и национально определенных, черт и характеристик, но в известном смысле — способствует. Ведь в рамках каждой национальной культуры сложился своеобразный опыт трудовой деятельности, содействующий высокой результативности в одних обстоятельствах, но не позволяющий достичь подобных итогов в других случаях.

Но при «укрупненном» подходе национально-специфические запросы и преимущества работника не могут быть обнаружены. Необходим, можно сказать, микроподход, то есть разбиение характеристик трудовой деятельности на составные элементы (например, самостоятельность труда; ритм в течение рабочей смены, недели, года; мера интеллектуальности труда, его эвристичности, нестереотипности и т. д.). В этом случае выявляются те микрокомпоненты трудового процесса, которые в силу традиционности навыков населения либо удобны, привычны, привлекательны, либо, напротив, неудобны, непривычны, непривлекательны. Ясно, что здесь, в этом случае, с особой силой сказываются традиции повседневного труда и образа жизни.

Предприниматели и менеджеры, значительная часть экономистов склонны замечать и стремиться к решению лишь одной проблемы: приспособления работника к данному производству, к данному рабочему месту, считая, что в век всеобщей образованности эта задача не столь уж сложна. Но жизнь вновь и вновь подтверждает, что человек не выступает пассивным объектом процесса культурной адаптации. Более того, будучи представителем сложившейся устойчивой культуры, он субъективирует процесс взаимодействия «рабочее место — работник» и (шире) «предприятие — работник».

Рабочее место — прежде всего тот узел, где завязываются и развязываются нити отношений «человек — производство». Здесь и выявляется, с одной стороны, получает ли предприятие эффективного работника и, с другой, — получает ли работник удовлетворяющую его работу. Однако рабочим местом не исчерпываются те отношения, которые предопределяют индивидуальную эффективность. Большое значение имеют также уровень развитости и черты деятельности социальной организации предприятия. Наконец, серьезную роль играет и сфера экономики, отрасль производства со своими особенностями.

Современные исследователи отмечают, что в информационной экономике вновь затребовано ремесленничество во всей его глубине. Возрождается индивидуальность труда, институт мастерства (и ученичества), отмирает узкий профессионализм и возрождается

универсализм через совмещение функций и операций, все шире распространяется поливариантность технологий. Быстро растет статус малых фирм, идущих на риск нововведений, на создание качественно новых образцов с резко выраженной индивидуальностью. Переориентация экономики в сторону информационной сферы приводит к переформированию даже систем расселения — основным градообразующим фактором становятся университеты и научные центры, концентрирующие вокруг себя большие и малые фирмы с преимущественно наукоемким производством (технополисы).

Возникает вопрос о новых, ключевых качествах современного работника, которые предшествовавшее информационному массовое поточное производство не предполагало. Это — готовность к инновационной деятельности, высочайшая надежность в любых, в том числе и экстремальных, ситуациях, умение принимать нестандартные решения, сочетание современной технической и гуманитарной культуры. Конечно, никакая этническая культура не «предвидела» этого нового, поистине революционного переворота. Вопрос сводится к тому, в какой мере традиции разных народов адекватны требуемым чертам поведения работника в этом новом наукоемком производстве.

Опыт сравнительного анализа

Как известно, при измерении качественных признаков в социологических и антропологических исследованиях невозможно ввести универсальных единиц измерения, поскольку (в отличие от физики) нельзя воспользоваться процедурой сравнения с естественным эталоном. Поэтому нередко приходится прибегать к аналогии, сопоставлению (опять-таки на качественном уровне) с другими подобными объектами. Именно поэтому в нашем случае весьма значимы высказывания, суждения и, прежде всего, сравнительные исследования ментальности и поведенческих характеристик русских в сопоставлении с представителями других народов.

Серьезный специалист по проблемам анализа межкультурных контактов и взаимодействия работников из разных стран в многонациональных корпорациях В.М. Гаськов провел исследование стереотипов взаимного восприятия советских (реально русских) и монгольских работников совместного предприятия «Эрдэнэт». Вот что он получил на выходе своего опроса [Гаськов 1989, с. 25] (табл. 1).

Таблица 1 *Стереотипы взаимного восприятия русских и монгольских работников одного из совместных предприятий*

Стереотип восприятия русских работников монгольскими специалистами		Стереотип восприятия монгольских работников русскими специалистами	
Русские работники в большей степени , чем монгольские:	Русские специалисты в меньшей степени , чем монгольские:	Монгольские работники в большей степени , чем русские:	Монгольские работники в меньшей степени , чем русские:
Заинтересованы в служебном продвижении	Хотят вносить вклад в результаты работы коллектива	Стремятся к высокой зарплате и признанию за хорошую работу	Хотят иметь важную работу
Стремятся к престижной работе	Стремятся к		Стремятся к самостоятельности

<p>Заинтересованы участвовать в подготовке решений</p> <p>Стремятся к высокой зарплате и признанию за хорошую работу</p> <p>Стремятся к повышению квалификации</p>	<p>сотрудничеству в коллективе</p> <p>Используют возможность помогать членам коллектива</p>	<p>заинтересованы в служебном продвижении</p> <p>Стремятся к повышению и использованию квалификации в работе</p>	<p>в работе</p> <p>Заинтересованы участвовать в подготовке решений</p> <p>Стремятся помогать другим членам коллектива</p> <p>Хотят иметь ясные и определенные требования к своей работе</p>
--	---	--	---

Примечание: Выборка: русские — 220 чел.; монголы — 230 чел.

Источник: [Гаськов 1989, с. 25].

Как мы видим, работники-монголы воспринимали русских как представителей европейской ментальности в сфере труда.

Возьмем недавние наблюдения и размышления профессора из Японии Сигеки Хакамады. Он провел сравнительный анализ социально-психологического склада японцев и русских и пришел к следующим выводам. В обеих странах традиционно подавлялись естественные человеческие чувства и желания. До сих пор в Японии это играло положительную роль. Что же касается России, то здесь подобные традиции «породили не только коммунистическое авторитарное общество, но и сегодняшний хаос и трудности». Причина в том, что в Японии получил значительное развитие механизм общественного или социально-психологического сдерживания естественных чувств, желаний и эгоистических побуждений. Одной из причин его возникновения являлась ограниченность природных ресурсов, а также общественная система, при которой негде было спрятаться от «чужих глаз». Все «это способствовало формированию таких национальных черт, как уважение к порядку и доверительные отношения между людьми, трудолюбие и пунктуальность, являющиеся необходимым условием существования современной цивилизации и рыночной экономики».

Трудности же российского общества, как пишет С. Хакамада, во многом объясняются недостатком социально-психологических ограничений. Он отмечает, что в России усердие и самоконтроль как традиции были слабы, исключения составляли лишь особые сообщества, например, религиозные. При этом он солидаризируется с Жюлем Легра (Jules Legras), который в своей книге «L'âme russe» (1934) писал: «Большинство россиян полагают, что профессиональное усердие, совесть — вещи ненужные. Все думают, что население российского Севера трудолюбиво, однако жители Архангельска очень ленивы. Северный регион богат продовольствием и промысловыми животными, именно это является причиной лени местных жителей. Только монахи Соловецкого монастыря очень трудолюбивы».

К этому он добавляет суждения того же Легра, что русский человек руководствуется «принципом “живу одним днем”, беспечностью и безволием. Русские, однажды взявшись за дело, могут с энтузиазмом его выполнить; если прикажут, могут привести в образцовый порядок контору или особняк. А в целом они лентяи, и к работе относятся небрежно, для них работа — это не более чем насилие со стороны, и если их не контролировать, они отлынивают от работы. Поэтому в эпоху самодержавия солдат и крестьян били розгами. Абсолютистский режим разрушил их ум, интеллект и нравственность, и только страх заставлял весь народ работать».

В то же время, С. Хакамада отмечает, что в русском народе существовали и совершенно другие социальные типы поведения — обязательность, ответственность были

свойственны отдельным религиозным группам, интеллигенции, многим представителям высшего общества. Ссылаясь на В. Ключевского, Г. Федотова и других русских ученых и богословов, японский профессор пишет о том, что православная христианская культура воспитывала в русском человеке чувство самоконтроля, дисциплинированность, самоограничение, уважение к труду и другие моральные принципы, что и стало почвой для возникновения особой и глубокой духовности.

По принципу «нет худа без добра» он замечает, что отсутствие в России механизма единого психологического сдерживания привело к тому, что это общество смогло породить (в отличие от Японии) оригинальный национальный характер, нестандартность и элитарность, великолепных писателей и художников. Для японского общества все это — исключение из правил. В японском народе всеобщность высокого чувства порядочности и особого отношения к труду сочетается с тем, что здесь трудно заниматься венчурным бизнесом и вести творческую жизнь [Хакамада 1999, с. 9—10, 14, 16, 17, 18].

По сравнению с качественными сравнительными исследованиями, иного характера информацию о специфике национальных различий деловой культуры дают социометрические методики. Одно из наиболее известных исследований такого рода, ставшее классическим, принадлежит Г. Хофстеду. В табл. 2 приведены три основных показателя, на которых базировалось его «измерение культур». Первый показатель отражает «степень развития в культуре индивидуализма», т. е. установок, блокирующих высокую роль в повседневной жизни фактора коллектива. Второй показатель назван Хофстедом «индексом избегания неопределенности»; этот показатель дает возможность измерить реакцию представителей исследуемой культуры на неопределенность или новизну жизненных ситуаций. Наконец, последний рассматриваемый здесь показатель — «дистанция власти» — определяет меру важности власти для представителей данной культуры.

Среди первоначально исследованных Хофстедом стран (общим числом — 40), Россия отсутствовала. Однако несколько позже список исследованных им стран был расширен, и Россия вошла в их число. Но данные по России не были получены Хофстедом стандартным образом, а были рассчитаны по косвенным источникам (данные национальной статистики, описания российских архетипов в литературе и т. д.). Этот факт следует иметь в виду при анализе приводимых ниже цифр. Кроме того, для России значения индексов Хофстеда были получены и в процессе эмпирических исследований отечественных социологов (А. Наумов)^[6].

Табл. 2 построена на данных трех указанных исследований. Здесь, наряду с Россией, мы выделили только три страны, с представителями которых сравнение русских, на наш взгляд, наиболее показательно. США, как известно, представляют собой модель общества индивидуалистического типа. Япония — пример восточной системы, основанной на принципиально иных религиозно-этических принципах, но также сумевшей достичь в довольно короткие сроки экономического успеха в современном мире. Наконец, Германия представляет культуру с жесткой внутренней дисциплиной и ярко выраженными отношениями господства-подчинения, что внешне выглядит весьма близким российской традиционно стэйтистской организации общества.

Таблица 2 Результаты международных сравнительных исследований культур, проведенных по методике Хофстеда

Страна	Степень развития индивидуализма	Степень избегания неопределенности	Дистанция власти
США	91	46	40
Германия	67	65	35
Япония	46	92	54
Россия*	50 (41)	90 (68)	90 (40)

Примечание:

* первое значение каждого индекса получено в исследованиях Г. Хофстеда на основе анализа косвенных

источников о ментальности русских; цифра, указанная рядом в скобках получена на основе эмпирических исследований А. Наумова.

Следует обратить внимание, что значения показателей для России, полученные разными методами, существенно расходятся [*Латов, Латова* 2001]. Чтобы оценить это обстоятельство, учтем, что выборка Наумова состояла из слушателей школ бизнеса, преподавателей и специалистов, администраторов и бизнесменов, т. е. людей, наиболее близких к рыночной экономике, стоящих «на переднем крае» преобразований. Поэтому естественно предположить, что цифры, полученные Наумовым, показывают большее, чем у основной массы русских, родство с западными стереотипами. Напротив, цифры, полученные Хофстедом, видимо, можно расценить как несколько «заниженные», т. е. преувеличившие дистанцию между Россией и Западом. Изучение не реальных представителей нации, а их моделей приводит к конструированию мифологизированной русской действительности. Поэтому истинное значение показателей по методике Хофстеда для России лежит, наверное, где-то посередине между двумя приводимыми нами рядами значений.

Итак, результаты показывают, что индивидуализм в гораздо меньшей степени развит в России по сравнению с США или Германией (хотя в последнем случае разрыв не настолько велик); по индексу индивидуализма Россия оказывается более близкой к Японии. В том, что касается избегания неопределенности, русские занимают срединное положение между немцами и японцами. Если учесть специфику выборки в исследовании Наумова, то можно сказать, что менеджмент России имеет явно «немецкие» черты, тогда как «литературный образ» русского скорее отражает японский характер. В индексе дистанции власти расхождения в значениях по Хофстеду и Наумову наиболее существенны. При этом если ориентироваться на меньшее значение показателя, можно сказать, что «культ подчиненности» все же более сильно развит у японцев, тогда как, и русские, и американцы, и немцы скорее попадают в одну группу, для представителей которой это качество выражено умеренно. Если же считать более правдоподобным значение по Хофстеду, то «равным» россиянам не оказывается никого.

Значение «90» — это практически стопроцентная подчиненность жизни социума власти. С одной стороны, цифра кажется неправдоподобной. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что для этой цифры уже есть объяснение, предложенное Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в рамках их концепции русской истории, которую мы комментировали выше, в предыдущем разделе. Здесь добавим следующее примечательное суждение этих авторов: «В обществе, где нет частной собственности, и где власть — все, даже паспортистка или участковый, не говоря уже о начальнике ЖЭКа или школьном директоре, выступают как представители властной группы. Порядка 40—50 % населения СССР были так или иначе, прямо или косвенно, постоянно или ситуационно вовлечены во власть...

С коммунизмом Власть оказалась как бы размазанной по России. Во власть впервые была включена Популяция — население, народ, продемонстрировавший невиданную жестокость по отношению к самому себе» [*Пивоваров, Фурсов* 2001, с. 47].

Некоторые данные о качествах русских в сравнении с представителями ряда других народов представлены в исследованиях, проведенных на основе еще одной известной методики — психологического теста ММРІ (миннесотского многофакторного личностного опросника). В данном случае мы по-прежнему остановимся на двух наиболее изученных и полярных по этическим нормам, поведенческим стандартам, религиозным установкам и т. д. национальных культурах — американской и японской.

Вот как выглядят выводы, сделанные автором русского адаптированного варианта ММРІ Л.Н. Собчик. Японцы в большинстве своем отличаются высоким уровнем самосознания, выраженным чувством коллективизма и ответственности, конформностью установок и, в целом, представляют конформную и социально податливую группу. Они рассудочны и пессимистичны. Сложный баланс между эгоцентрическими побуждениями и социальными требованиями у них реализуется в пользу социума, с проявлением

выраженной готовности к отказу от самореализации, что, естественно, повышает уровень тревожности и склонности к пониженному настроению [Собчик 1997, с. 88, 385].

Сравнительный анализ психологического «профиля» американской и русской наций свидетельствует о том, что американцы более рациональны и менее эмоциональны, менее фрустрированы, более прагматичны. Они, как правило, не склонны к идеализации, в меру общительны, формальны в контактах, не отличаются излишней сентиментальностью. Русские же гиперэмоциональны, иррациональны, значительно в своей массе фрустрированы, склонны к идеализации, сентиментальны, расточительны, в общении проявляют полярные тенденции от любви до ненависти.

«Средний русский» самобытен, интуитивен, богат творческой выдумкой, отличается некоторой безалаберностью, вспыльчив, но не злобив, испытывает склонность к обсуждению разных проблем без серьезных попыток на практике реализовать свои фантазии, не доволен жизнью, но как истинный фаталист ничего менять не намерен; он готов бунтовать на уровне застолья или кухонных разговоров, но всерьез что-либо предпринимать ленится или опасается. Он растрчивает себя больше эмоциями, чем поступками, больше переживаниями, песнями, танцами, пьянками, чем хорошо спланированным предпринимательством, хозяйствованием, политической организованностью» [Собчик 1997, с. 386—387].

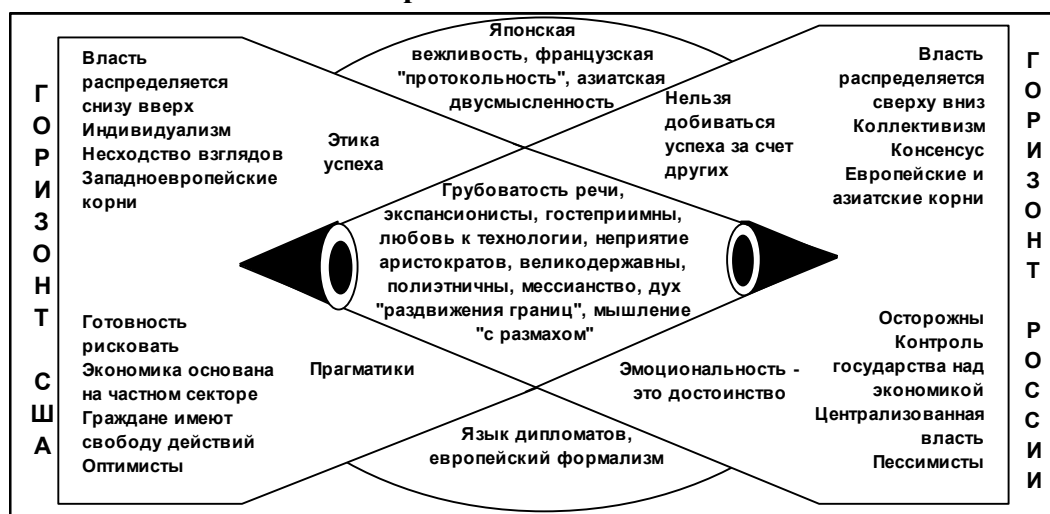
Следует обратить внимание и на другие качества русских, выявленные в психологических исследованиях. К их числу можно отнести склонность к ценностно-рациональным или даже иррациональным критериям в формировании круга общения, мотивации и оценках деятельности; прочность традиций и ритуальность поведения; выраженную склонность следовать за неформальным лидером (авторитетом). Однако наиболее интересным представляется подробно рассмотренное в книге К. Касьяновой «О русском национальном характере» (1994) свойство русского психологического типа совмещать в себе полярные качества — высокую способность к самоконтролю (завышенные показатели по шкале «репрессия» в методике ММРІ) и ее противоположность — эмоциональную незрелость (одноименная шкала в той же методике).

Для русских, с одной стороны, характерна высокая способность к самоконтролю, вплоть до самоподавления (расхождение значений по шкале, идентифицирующей это качество по российской и американской выборкам, составляет 20 % всей величины шкалы, причем для русских имеют место более высокие значения этого показателя). С другой стороны, например, можно выделить такое качество как «эмоциональная невоспитанность», когда не человек владеет эмоциями, а они им. Придя в состояние гнева или веселости, он становится совершенно «безудержным», и всякие попытки остановить его вызывают только новые всплески разбушевавшихся чувств. Показатель «эмоциональной невоспитанности» у русских заметно выше, чем у американцев, и это превышение составляет примерно 13,5 % всей соответствующей шкалы [Касьянова 1994]. Одинаково яркая выраженность двух полярных качеств подтверждает выводы, сделанные Собчик на основе данных 1973 г., что свидетельствует об устойчивости этой особенности архетипа.

Образ русского человека как делового партнера выглядит достаточно своеобразным, если сравнивать с образами представителей не только неевропейского, но и западноевропейского ареала. В этом контексте рассматривает русских как деловых партнеров крупный специалист по сравнительному менеджменту Р.Д. Льюис. Факторами основных черт русского характера он называет многие столетия «безжалостного авторитарного режима», «необъятные просторы» и «неизменную суровость климата России». Каждый из этих факторов, по мнению Льюиса, по-своему сказался на характере поведения в труде. Так, суровый климат привел к привычности неравномерных темпов работы и в то же время к упорству в труде. Он подчеркивает, что «и царскому, и советскому режиму легко было управлять людьми благодаря тому, что они были склонны к коллективизму, покорности, самопожертвованию, терпению» [Льюис 1999, с. 317]. Свои аналитические конструкторы Льюис свел в единую схему, в которой сопоставил черты

русских и американцев как деловых партнеров (схема 1).

Схема 1. Горизонты США / России

Источник: [Льюис 1999].

Итак, как показывает итоговая схема, русские и американцы имеют много общего. «Оба народа с подозрением относятся к аристократам и неудобно чувствуют себя (даже сегодня), когда слышат изысканную речь некоторых европейских народов. Простота завоевывает друзей и в Уичито, и в Екатеринбурге. Обе нации, как и французы, мыслят масштабно и считают, что на их долю выпала важная мессианская роль в международных делах» [Льюис 1999, с. 320].

Вместе с тем, есть существенные различия, связанные с историческими корнями культур. Видение Льюисом русских нельзя назвать ни негативным, ни позитивным. Итоговый вывод автора состоит в утверждении, что американцам с русскими вполне можно иметь дело, нужно только уметь подобрать ключ к их характеру: «Российские ценности глубоко человечны, их герои универсально аутентичны, их внешние проявления и символы полны артистизма и эстетики. Для того чтобы преуспеть в отношениях с россиянами, нужно четко держать в своем сознании эти качества, вместо того чтобы уделять слишком много внимания загадочным и парадоксальным аспектам их поведения и их современным установкам» [Льюис 1999, с. 326].

Кэтрин Дж. Бейкер восполняет суждения Льюиса своими наблюдениями — результатом собственного длительного опыта. По ее мнению, «имеется ряд ключевых различий в том, как многие американцы и русские подходят к взаимоотношениям. Американцы склонны к значительной открытости и доверию в новых отношениях — до тех пор, пока другой человек не сделает нечто, что разочарует их или предаст их доверие. Русские же склонны к большей осторожности и оценивают каждый шаг, прежде чем убедятся, что на другого человека можно полностью положиться. Американцы склонны основывать свои рабочие отношения на целесообразности: что является наиболее удобным, кто имеет необходимые навыки, контакты и ресурсы, кто может участвовать в проекте. Русские склонны заводить дружбу на основе совместно разделяемых принципов, ценностей и взглядов, равно как и межличностного комфорта. При советской системе умение достичь согласия с властями и найти подход к ним значили больше в рабочих отношениях, чем компетентность. Сейчас, конечно, российское общество находится в состоянии непрерывного изменения, являя множество вариаций в качестве рабочих взаимоотношений» [Бейкер 1996, с. 8—10].

Опыт национального самоанализа

Одним из наименее изученных и, вместе с тем, наиболее информативным источником знаний о национальной экономической культуре является народный фольклор. Попробуем реконструировать экономический контекст этого специфического пласта русской народной

культуры.

Представления об успехе были проанализированы В. Иваницким [Иваницкий 1997]. Он пишет, что «успех и удача этимологически не равны. Удача либо есть, либо нет (в корне — «дать», сравни — «само далось»). Успех же в поле языка связан со сроком (сравни «поспеть», «спелый»), что указывает либо на зрелость, то есть возраст, в котором общество «разрешает» успех, либо ... на умение быть расторопным, первым при раздаче благ. Мгновенные действия при предоставляющейся возможности — очень по-нашему. “Во всем упреждать!” (Петр I, Суворов). “Промедление смерти подобно!” (Ленин). “Удача нахрап любит” (народное) — пока другие раскачиваются, отчаянная голова снимает пенки. ... Так что, если есть вакансия или «маза» — лети со всех ног, а то все разберут...» [Иваницкий 1997, с. 127]. В качестве иллюстрации здесь интересно привести одно издревле распространенное в народе убеждение, заключающееся в том, что якобы, верхний слой святой воды — более сильный: «...Всякий спешит зачерпнуть воды прежде других, вследствие чего нарушается церковное благочиние криками и перебранкой, невообразимой суетней и толкотней, как на любом базаре» [Иваницкий 1997, с. 127]. Так вырисовывается один из двух основных акцентированных в русской культуре каналов достижения успеха — «маза», которую надо успеть «урвать», оказавшись в нужное время в нужном месте.

Но можно и никуда не бежать, поскольку существует второй вариант — «удача». Это пассивный способ достижения результата — обычно посредством везения или чуда. Он также глубоко укоренен в сказках и пословицах. Его суть емко выражается в двух следующих пословицах: «Дурак спит, а счастье в головах лежит» или «На тихого Бог нанесет, резвенький сам набежит». Например, когда герой сказки хочет сделать деньги из воздуха, ему на помощь приходит «неразменный пятак». В народном фольклоре «экономический агент» второго типа персонифицирован в образе Емели или Ивана-дурака.

Автор другого, не менее интересного исследования экономического контекста русского народного фольклора, В.И. Верховин, акцентирует особое внимание на тех моделях экономического поведения, которые отражают преломление в русской культуре основных механизмов и институтов рыночного обмена [Верховин 2001, с. 106—124]. В своем исследовании он обращается к поиску и интерпретации рационального содержания пословиц и поговорок, собранных В. Далем в середине XIX в.

Отметим некоторые, наиболее интересные, с нашей точки зрения, выводы этой работы. Так, например, весьма сложную структуру имеет в народном фольклоре идея собственности. Но наиболее ярко в этой структуре представлены два компонента: 1) недостаточность традиционных и институциональных механизмов защиты прав собственности («Запор да замок — святое дело») и 2) дуализм в отношении к чужому имуществу — пренебрежение, с одной стороны, и ответственность, с другой (сравни: «На чужие деньги запоем пьем» и «Чужое добро страхом обгорожено») [Верховин 2001, с. 109].

Четкое выражение в фольклоре находят элементы маржинализма, которые, как оказывается, воплотились в пословицах и поговорках намного раньше, чем вошли в научный оборот и стали краеугольным камнем современных экономических теорий и концепций. [Верховин 2001, с.116] Например, действия и решения по оценке стоимости благ в народном фольклоре крайне наглядны и ярки: «Чего нет, то дорого, чего много — то дешево», «Нужда цены не ждет», «Говар полюбится, ум расступится».

Значительный интерес представляет отражение в фольклоре принципов перераспределения (обмена) и, в особенности, нелегальные каналы редиистрибуции. Нелегальная редиистрибуция богата множеством технологий и способов изъятия экономических ценностей у их владельцев. В основе их лежит (кроме известных силовых методов) использование некомпетентности одной из сторон социально-экономического обмена: «В душу вьется, а в карман лезет», «Лясы точит, да людей морочит» и т. д. В народном фольклоре предается осмеянию и санкциям не только активная сторона редиистрибутивных отношений, но и пассивная: «Кто украл — у того один грех; у кого украли — десять».

Таким образом, в отличие от православной этики, которая, как мы помним, не дает

никаких рекомендаций по поводу решения мирских проблем, сказки и пословицы, напротив, дают прямое руководство к действию. Верховин подчеркивает, что в народном фольклоре «...заложены тонкие нюансы товарного обмена, такие наблюдения и смысловые обобщения, которые в большей степени свойственны мышлению и опыту людей, занятых в этой области профессионально». [Верховин 2001, с. 111]

Итак, как показывает анализ, русскую культуру нельзя обвинить в экономической непрактичности или непродуктивности. Народный фольклор демонстрирует способность культуры компенсировать недостаточность предписаний православной этики в области хозяйственной практики посредством выработки иных, иногда авантюристических рецептов действий, но, тем не менее, базирующихся на четком понимании экономических принципов.

Мы полагаем, что проблема русской экономической культуры состоит не в «порочности» каких-либо конкретных ее качеств, и не в слабой выраженности в ней тех или иных свойств, которые принципиально важны в современной капиталистической экономике. Проблема в значительной степени связана с тем, что весь этот культурный арсенал не может быть использован одинаково эффективно в различных направлениях экономического строительства — можно предположить, что русская национальная культура сформировала экономико-культурное пространство, не обладающее свойством «изотропности». Действительно, «сверхрезультат» обычно достигался в некоторых избранных направлениях, которые объявлялись приоритетными, при этом другие направления стагнировали на протяжении жизни поколений. В этом контексте совершенно справедливым можно считать следующее замечание Светланы Лурье: «Принято считать, что немцы любят порядок, а русские — нет. Думаю, что это утверждение нельзя доказать. Вопрос покажет, что в одинаковых социальных слоях и у немцев, и у русских любовь к порядку примерно одинаковая. Вопрос в том, какие сферы жизни народ упорядочивает, а какие нет» [Лурье 1994, с. 53]. И суть в данном случае состоит не столько в том, какие сферы деятельности финансируются, а какие нет, сколько в том, какие из них артикулируются культурой, а какие оставляют людей равнодушными. В социально-экономическом развитии России может быть выделено достаточно устойчиво сохраняющееся направление, в котором русская экономическая культура работает наименее эффективно.

Впервые эта мысль была сформулирована Н.О. Лосским, отметившим характерное для русских явление, которое было им названо «безразличием к средней области культуры». Вот что он понимал под этим явлением: «...материальная культура стоит в России на низком уровне развития. Русский народ до сих пор не овладел грандиозной территорией своего государства ... даже ... в местах, благоприятных для жизни, очень мало позаботился русский народ об удобствах для удовлетворения повседневных нужд. ... Бедность, угнетающая русский народ, ... есть следствие многих условий, длительного крепостного права, общинного строя крестьян, малого плодородия почвы во многих губерниях, большой затраты сил государства на защиту от внешних врагов и т. д. Но, кроме перечисленных условий, бедность в значительной степени есть следствие малого интереса народа к материальной культуре. Беспечность русского человека выражается в нередко слышимых “авось”, “небось”, “ничего”» [Лосский 1991, с. 56].

«Средняя область культуры» — это та часть жизненного пространства, которая начинается за порогом собственного дома и заканчивается там, где начинает проявляться «государево» дело, задачи национального значения, сфера осуществления мессианских идей. Это все то, что уже не имеет личного значения, но еще не приобрело значения национального. Это область «малых дел», элементарных бытовых запросов, отвечая на которые, Запад и достиг своей современной благоустроенности.

Специфика русского менталитета состоит как раз в том, что ценность успеха в этой «средней» области для «среднего» русского минимальна. Одно дело — когда надо спасать нацию, и совсем иное дело — когда надо добротнo ремонтировать дороги или обслуживать попутателя. Именно к такого рода деятельности относится знакомая всем народная фраза:

«работа начинается с большого перекура». Вот как комментирует подобные «провалы» русской цивилизации известный писатель Анатолий Рыбаков: «Русский человек по своему менталитету трудолюбив. Все разговоры, что он не умеет работать, — чепуха! Мне восемьдесят шесть лет, я всю жизнь прожил в России и видел: еще как умеет! И воевать умеет. Я прошел всю войну. Но русский человек не хочет жить в роскоши» [Интервью 2001]. Желание «жить в роскоши», по крайней мере, никогда не эксплуатировалось в России с экономической точки зрения, никогда не становилось культурно акцентированной целью рядовых граждан.

Сам тип мышления был иным. Чтобы разобраться в этом, попробуем проанализировать высказывание выдающегося русского ученого Д.И. Менделеева. В программной записке «О первой надобности русской промышленности» Д.И. Менделеев писал Александру III: «Предприимчивости, в промышленных делах неизбежной, довольно у народа, если он произвел колонизацию беспримерного размера» [Менделеев 1960, с. 69]. Здесь показателен стиль аргументации — «колонизация беспримерного размера». Может быть, этот аргумент был использован в письме к царю для наибольшей яркости, а, возможно, просто потому, что кроме «колонизации» аргументов больше не находилось? Успех в «колонизации», успех в «собрании земель» — не единственный ли это вид успеха, достигнутый с опорой на русский комплекс ценностей?

Действительно, на протяжении русской истории в обществе не существовало социальных институтов, которые могли бы сформировать экономическую культуру «срединной» области. Одним из них потенциально могла бы стать религия. Но православие не интересовалось хозяйственной практикой и не стремилось ее упорядочить посредством выработки соответствующих норм. Другим институтом, который мог бы сыграть эту роль, являлось государство. Но оно было занято решением преимущественно макрозадач и культивировало престижность и важность только областей национального значения. Область национального экономического быта не представляла для него интереса. Как следствие, «срединная» область оставалась, с одной стороны, «вне поля действия морали» и, с другой стороны, вне сферы общественных приоритетов.

В самом деле, ведь и в последующем, в советское время, энтузиазм вызывало лишь решение крупных державных задач (освоение космоса, создание ракетно-ядерного оружия и т. д., а не, скажем, строительство пекарен или парикмахерских). Ведь не случайно, что *крупнейшей национально-сплывающей задачей* на огромных отрезках отечественной истории, особенно после Второй мировой войны, когда Россия стала одной из двух сверхдержав мира, явилось построение грандиозного научно-производственного комплекса, доминировавшего в экономике страны, — военно-промышленного комплекса (ВПК). Задача развития технического образования, построения промышленности, главным образом — оборонной, доминировала над всеми прочими областями государственного строительства. Один из ветеранов ВПК, академик Б.Е. Черток вспоминает: «За десятилетний период — с 1930-го по 1940-й гг., — Советский Союз действительно был превращен из отсталой аграрной страны в мощную индустриальную державу. ... В почете были уже не «лирики», а «физики» и «хотя «лирики» ... были весьма известны, но и они работали на эту же самую задачу...» [Черток 2000, с. 4].

ВПК стал наиболее «упорядоченной» сферой цивилизационного строительства в индустриальной России. Не удивительно, что, оценивая качества русских работников, мы вынуждены акцентировать внимание именно на персонале ВПК — средоточии творческих сил нации на протяжении поколений.

При дальнейшей разработке этой темы мы попытаемся сравнить новые, лишь развивающиеся на Западе формы труда и организации производства, вызванные внедрением высоких технологий, с базовыми характеристиками русских работников. При этом мы будем ориентироваться на те черты, которые едины для всех работников русской национальности, помня, что внутри этой этнической группы существуют значимые региональные различия.

Эта задача предполагает предварительный повторный анализ ранее проведенных

одним из нас исследований. Данные о русских рабочих были получены в результате собственных многолетних изысканий, которые хотя и не полностью корреспондируют с логикой описания современного производства, но все же дают определенный «портрет» русских как работников.

Изучение русского рабочего проводилось в рамках двух исследований под руководством О.И. Шкаратана. Первое из них было проведено по программе «Труд и быт русского рабочего», реализованной в 1987—1990 гг. Данное исследование имело форму углубленного интервью (экспертного опроса по формализованной программе) с рабочими на машиностроительных предприятиях Таллинна, Вологды, Москвы, Обнинска, Курска, Ташкента, Омска, причем в Таллинне и Ташкенте опрашивались также, соответственно, эстонцы и узбеки, что давало возможность межэтнического сравнения. В целом «русский блок» опроса составил 375 человек. Если учесть «точечный» характер проведенного опроса, то его результаты представительны для всех русских рабочих. Следует отметить, что опрашивались «перспективные» категории работников: молодые мужчины (до 35 лет), имеющие среднее и выше образование (что вообще характерно для тех предприятий, на которых проводилось исследование); работники двух типов профессий: индустриального (например, токари) и научно-индустриального (например, наладчики станков с ЧПУ) труда. При выборе рабочих-экспертов учитывался и стаж работы на предприятии: не менее одного года. Конечно, подобное формирование экспертной группы могло «улучшить» полученные результаты. Следует, однако, отметить, что они представительны для достаточно большой категории не люмпенизированного рабочего класса России.

Второе исследование — проведенный в 1990—1991 гг. экспертный опрос управленцев высокого ранга (Госплан СССР; одно из оборонных министерств) по проблеме «Культура труда и культура управления в СССР». Выбор экспертов (30 человек) определялся их квалификацией. Предполагалось, что эксперты, во-первых, должны хорошо знать рабочую силу нескольких регионов, а во-вторых, занимать такое положение, которое позволяет абстрагироваться от деталей и мыслить «образами». Основными экспертами, поэтому, были работники управлений и отделов кадров. Экспертное интервью было строго формализованным: в заранее подготовленном бланке были помещены списки качеств, которые эксперты должны были выбрать при характеристике рабочей силы отдельных регионов. Специально подчеркнем, что наша методика имплицитно базировалась на принципе сравнения, иными словами, эксперты вынуждены были выбирать такие характеристики рабочей силы, которые больше развиты у данной этнической (региональной) группы работников по сравнению с другими. Мы использовали лишь обобщенные характеристики русской рабочей силы, т. е. те качества культуры труда и управления, которые присутствуют у всех региональных групп русского народа.

Несколько предварительных замечаний. Со страниц научных и публицистических изданий на протяжении 1990-х годов прозвучало немало слов о неготовности России принять технологический вызов современной эпохи, о невосприимчивости экономики страны к достижениям информационной экономики Запада и, в конечном итоге, об обреченности России на незавидную роль вечно догоняющего лидеров мировой цивилизации. Со многими из приводимых в пользу этого положения аргументов нельзя не согласиться, принимая во внимание семь десятилетий тоталитарного режима и значительные в своем влиянии «азиатские» черты русской ментальности. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо проверить гипотезу о наличии в российском обществе «критической массы» для перехода к современной экономике, основанной на социальном рыночном хозяйстве и информационных технологиях.

Начиная с 1988—1989 гг., одному из авторов на различных международных встречах приходилось оппонировать предложениям взять для России в качестве модели развития те или иные страны, достигшие в последние десятилетия серьезных успехов в экономическом развитии. В том числе чаще всего назывались страны, принадлежащие к буддийско-конфуцианскому культурному ареалу. Однако Россия по особенностям культуры, менталитету большинства населения относится к восточно-христианскому славянскому

ареалу.

Проблема сбора эмпирических данных, раскрывающих творческий, инновационный потенциал русских работников, заключается в резких разрывах в качестве человеческих ресурсов между регионами страны и отраслями экономики. В этой связи мы сочли оправданным сосредоточить свои усилия на исследовании работников военно-промышленного комплекса (ВПК). И по численности, и по этническому составу (в подавляющем большинстве — русские) это был тот людской массив, который в действительности отражал сущностные черты трудовой этики, производственного поведения и относительно качественного, во всяком случае, адекватного особенностям объектов управления, менеджмента. Ниже приведены оценки характерных особенностей русских, работавших на начало 1990-х годов в оборонной промышленности (их трудовое поведение и установки), полученные на основе анализа материалов опросов экспертов. Нами эти оценки сведены в трехкомпонентную шкалу: широко распространенные качества — умеренно распространенные качества — мало распространенные качества (табл. 3).

Таблица 3 *Характеристики русского персонала оборонной промышленности (1990—91 гг.)*

Широко распространенные качества	Умеренно распространенные качества	Мало распространенные качества
Способность к интенсивному труду	Исполнительность	Способность к монотонному, стереотипному труду
Стремление к совместной, коллективной работе	Дисциплинированность, собранность, организованность	Предпочтение технологий с заданным ритмом
Чувство причастности к общему делу	Ответственность за результаты своего труда	Приверженность индивидуальным формам труда
Профессиональная универсальность, стремление к совмещению профессий	Стремление сделать должностную карьеру, высокая престижность иерархического роста	Высокий уровень личных притязаний, честолюбие
Склонность к оригинальным решениям, новаторству, рационализаторской и изобретательской деятельности	Стремление к достижению вершин мастерства в профессии	
Готовность бескорыстно оказать помощь	Стремление к независимости, самобытности	
Быстрая реакция на смену обстоятельств	Способность действовать по обстоятельствам	
Склонность к риску	Способность к тонкой ручной работе	
Готовность подчиниться неформальному лидеру	Умение надолго концентрировать внимание, энергию	
Предпочтение свободного индивидуального ритма	Способность к самоконтролю и контролю над эмоциями в трудных ситуациях	

<p>работы</p> <p>Престижность индустриального труда</p> <p>Неприязнь к «высочкам», быстрому карьерному продвижению</p>	<p>Приверженность традиционному, знакомому, привычному</p> <p>Лояльность к администрации</p> <p>Чувство гордости за организацию, преданность ей</p> <p>Склонность надеяться на вышестоящих и подчиняться контролю со стороны начальства</p>	
--	---	--

Таким образом, есть серьезные основания предположить, что работники ВПК в своей массе отличались склонностью к новаторству, оригинальным решениям и рационализаторству, профессиональной универсальностью, склонностью к риску, быстрой реакцией на смену обстоятельств и способностью к интенсивному труду, т. е. теми качествами, которые характеризуют работников-«новаторов» и необходимы для прорывного экономического развития. Это обстоятельство может внушать наибольший оптимизм в сложившейся ситуации.

С другой стороны, следует отметить и те качества, которые в меньшей степени соотносятся с требованиями современной экономики. Например, в число «широко распространенных качеств» русского работника попадает «неприязнь к “высочкам”, быстрому карьерному продвижению». Это еще раз демонстрирует, что достиженческо-индивидуалистические ценности играют в жизни и работе русского человека незначительную роль. Более того, последние данные исследований ВЦИОМ позволяют рассматривать эту черту русского характера, во-первых, как постепенно усиливающуюся в современных условиях и, во-вторых, как имеющую, в некоторой степени, даже негативный оттенок. Так, за 1994—2000 гг. с 57 до 70 % увеличилась доля тех, кто считает, что «делать следует все сообща и не терпеть (!) тех, кто ставит себя выше коллектива»^[7] [Гудков, Дубин 2001, с. 15].

Однако, применительно к русским на достиженческо-индивидуалистические ценности расчет, в общем-то, никогда не строили ни исследователи, ни управленцы. Ставку обычно делали на другой блок качеств. Как отметила в одном из интервью К. Касьянова, хотя «...наши ценностные системы не мотивируют нас к индивидуальному предпринимательству, ... коллективными предпринимателями мы всегда были неплохими. Вспомните русские артели, которые уже в застойный период возродились в виде широко распространившихся “шабашек”, “рабочих отрядов”» [Еще раз к вопросу 1992, с. 23].

В этой связи полезно обратить внимание на специфическую группу качеств, имеющих, как показало наше исследование, широкое распространение в массе русских работников. Такие качества, как «стремление к совместной, коллективной работе», «чувство причастности к общему делу», «готовность бескорыстно оказать помощь» в соединении со склонностью «подчиниться неформальному лидеру» образуют, на наш взгляд, достаточно компактную, обладающую «стилистическим единством» систему традиционных установок русского работника.

Важные «штрихи» к портрету русского работника добавляют результаты другого исследования, проведенного среди персонала предприятий ВПК трех городов (табл. 4).

Таблица 4 Оценка рабочими-экспертами различных сторон трудовой деятельности (1990 г.)

№	Вопрос интервью	Москва (%)	Курск (%)	Обнинск (%)
1	В работе очень важен определенный режим работы	16.9	12.2	28.1
2	Отдают предпочтение: исполнительности творчеству	31.1	42.0	17.5
		27.6	26.0	36.8
3	Удовлетворяет вас степень уважения на работе? («вполне»)	33.9	37.7	17.2
4	Считают неважным степень собственного участия в управлении	16.9	22.0	10.3
5	Достаточно сильно удовлетворены работой	22.4	21.6	10.3
6	Готовы взяться за более сложную работу	27.1	27.5	19.0
7	Считают важным в работе использовать свои идеи	34.5	28.0	24.1
8	Считают важным в работе развивать свои способности	62.7	64.0	39.6
9	Считают важным в работе общаться с другими	55.9	49.0	34.4
10	Имеют значительные контакты в работе	62.7	52.9	45.6

Примечание. Сводная таблица составлена по результатам опроса экспертов в рамках проекта «Труд и быт русского рабочего» (См. выше).

Результаты, в частности, показывают, что русские низко ценят строго определенный режим работы: доля экспертов, считающих, что режим в работе важен, составляет в среднем по трем городам 19 % (см. п. 1). Группы «новаторов» и «исполнителей» в среде русских рабочих оказались сравнимы по числу представителей (в каждую группу попало примерно по 1/3 опрошенных). Столько же экспертов считают необходимым использовать в работе свои идеи (см. пп. 2 и 7). Следовательно, на российских предприятиях ВПК на момент опроса существовала достаточно многочисленная группа работников, склонных к инновационному труду. Таким образом, этот результат подтверждает предположения, сделанные представителями управленческого звена промышленности, которые отнесли склонность к новаторству к числу широко распространенных качеств среди русских рабочих (табл. 3).

Весьма велика (в среднем около 50 %) оказалась доля тех, кто считает важным в работе общаться с другими, и в действительности имеет значительные контакты внутри предприятия (см. пп. 9 и 10). Значимость и функциональность этих качеств отмечаются и в других исследованиях. Так, В.И. Кабалина пишет, что на советских предприятиях «характерной чертой была многопрофильность умений работника: умение не только управлять станком, но и его ремонтировать, что в условиях дефицита подчас означало умение доставать запасные части. Последнее определялось социальными связями работника на данном предприятии». Кроме того, «важным было умение работать в группе и налаживать контакты за ее пределами, способность заменить на время отсутствующих членов группы, так называемая взаимозаменяемость» [Кабалина 1999, с. 25—26].

Очевидно, что работникам «оборонки», прежде всего, присущи качества, свидетельствующие об их готовности к трудовой деятельности в новых экономических и технологических условиях. Это касается и квалификационных требований к работнику со стороны высокотехнологичных, в том числе информационных, производств, и необходимых личностных качеств рабочей силы, включая способность и «вкус» к работе в малых фирмах, к каковым относятся так называемые «венчурные», специализирующиеся

на нововведениях, предприятия.

Из приведенных выше данных очевидно, что русский работник вполне может соответствовать требованиям, предъявляемым к рабочей силе в информационной экономике. Мы имеем в виду такие требования как: необходимость постоянно овладевать новыми профессиональными знаниями и навыками; надобность расширения профиля и профессиональных функций за счет овладения смежными специальностями; коллективная ответственность персонала за соблюдение технологического процесса и сохранность оборудования. Однако столь же очевидно, что в ключевых для современной экономики отраслях, предопределяющих успех наций в конкуренции на мировом рынке (микроэлектроника, телекоммуникации, биотехнология), Россия существенно отстала. Сильные позиции она сохраняет в аэрокосмической и ядерной отраслях, а также в ряде других производств, не столь значимых в информационную эпоху. Поэтому без активнейшего взаимодействия с корпорациями других стран, естественно, на взаимовыгодных началах, потенциальные человеческие ресурсы России не смогут быть реализованы.

Мы учитываем как многообещающий момент для русского работника тенденцию мировой экономики к персонификации потребительских свойств изделий, означающую, что обычные продукты приобретают черты интеллектуальных, сближаются с ними. Этот уход от модели массового производства к разнообразию изделий, удовлетворяющих специализированный спрос, который является важнейшей чертой инновационного развития экономики, находит адекватного себе работника и исполнителя на российском рынке рабочей силы. К тому же возрастающая роль выпуска производства интеллектуальных продуктов может расцениваться как благоприятное обстоятельство для российских «белых воротничков».

О качествах русских как профессионалов можно также судить и по широкому привлечению специалистов к работе в западных университетах и фирмах. Еще в 1989 г. из страны выехали 70 тыс. научных работников. По оценке академика А. Андреева, уже к началу 1993 г. из бывшего СССР на время или навсегда уехало около 40 % физиков-теоретиков высокого уровня и примерно 12 % физиков-экспериментаторов. На конец 1999 г. приводились данные, что с 1990-го года страну покинули 80 % математиков и 50 % физиков мирового уровня. Опросы ученых-физиков ведущих научно-исследовательских центров России показали, что фактически четверо из пяти молодых ученых в возрасте до 30 лет ориентированы на отъезд. Как и предсказывали эксперты, среди эмигрантов преобладали представители уникальных профессий, люди высокой и очень высокой квалификации. По данным паспортно-визового управления МВД РФ, в 1992—1996 гг. выезд за рубеж специалистов в сфере науки и высшего образования составил в среднем около 5 тыс. человек, как правило, самых квалифицированных и перспективных научных работников в возрасте 30—40 лет. Ресурс эмиграции этих категорий специалистов во многом исчерпан. Тем не менее, по прогнозам, в ближайшие годы ежегодные потери составят 200—300 ученых, имеющих передовые разработки в таких ключевых областях, как программное обеспечение ЭВМ, прикладная математика, производство композитных материалов, создание новых медикаментов.

Можно оценить отъезд из страны специалистов в подобном масштабе как национальную катастрофу. По методике ООН, затраты и упущенная выгода от эмиграции одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью составляет 300 тыс. долл. Не сложно представить, что потери России составляют десятки млрд. долл. Речь идет и о военно-стратегических потерях. По оценке экспертов, около 8 тыс. российских ученых задействованы (на 1999 г.) в 40 с лишним программах, выполняемых в интересах оборонного ведомства США; при этом исключительное право на результаты исследований принадлежит американскому правительству [Вишневский, Зайончковская 1992б, с. 18; Вишневский, Зайончковская 1992а, с. 13; Долгих 1993, с. 11; Павлюткин 1999; Ахиезер 1999].

В 1970-е годы академик А.Д. Сахаров справедливо доказывал, что право на эмиграцию

является одним из главных демократических прав граждан. Но нельзя при этом забывать, что Россия в результате миграции такой направленности теряет не только важные и нужные для нее кадры, свой инновационный потенциал, надежды войти в число стран с информационной (сетевой) экономикой, но и демократический потенциал, свои шансы сформировать гражданское общество.

Следует при этом принять во внимание изменение качественных характеристик той основной массы человеческих ресурсов России, по отношению к которой мигранты выступают как утраченные стимуляторы развития. Среди критических особенностей человеческих ресурсов, пожалуй, первой по значимости является существенное расхождение между готовностью и желанием значительной части работников народного хозяйства трудиться в условиях рынка, с одной стороны, и их слабой реальной подготовленностью к функционированию в рыночных механизмах (привычка к патернализму и уравнильным формам распределения, функциональная неграмотность, отсутствие навыков к жизни в условиях негарантированной занятости, неготовность к смене форм активности, профессии, места жительства и т. д.).

Сформировались две оппонирующие версии в оценке адаптационных возможностей русских как акторов рыночной экономики. Первая без серьезных доказательств утверждает, что русские совершенно не могут приспособиться к рыночной ситуации, идет декалфикация рабочей силы, расхищается трудовой потенциал. Вторая версия, кстати говоря, также не обоснованная, утверждает обратное, что в России наконец-то создается развитая инфраструктура, в которую затребованы образованные люди, что инициативные и одаренные работники получили теперь возможности для самореализации. Установление истины имеет принципиальное значение для выбора управленческих стратегий по развитию экономики.

Следует также принять во внимание, что современная русская управленческая культура, формировавшаяся в условиях «классического» индустриально-конвейерного производства (организованного по принципам системы Тейлора), существенно отстает от требований «прорывной» модернизации экономики страны, приобретающих критическое значение в наши дни.

В рамках проекта «Национальные культуры и современное производство» (под руководством О.И. Шкаратана) в начале 1990-х гг., помимо исследования культуры труда персонала, была также изучена культура управления в промышленности. К характерным чертам позднесоветской русской управленческой культуры относятся:

- преобладание «запретительной» направленности норм и правил;
- четкое описание функций работников, формализованные отношения;
- стремление к созданию условий для сотрудничества между работниками на всех уровнях в производстве и управлении;
- преимущественно иерархическая структура управления;
- распространенность демонстрации власти, подчеркивания властных функций на каждом уровне управленческой иерархии;
- ориентация на наказание за ошибки, жесткий контроль за выполнением должностных обязанностей и инструкций;
- поощрение универсализма, совмещения профессий и обязанностей;
- централизация и персонализация принятия решений и ответственности;
- актуализация, в первую очередь, стратегических задач развития организации, акцент на долгосрочном планировании;
- ориентация на решение общегосударственных (общенародных) задач;
- ориентация на массовое производство;
- стремление к сохранению опеки со стороны министерств, ведомств, правительственных органов.

Отечественный менеджмент и в начале нового века по-прежнему делает ставку на

авторитаризм и административные методы, что не соответствует уже ни технологическим условиям производства, ни принципам рыночной регуляции хозяйственной деятельности, ни, что, быть может, самое главное, самоощущениям и потенциям русского работника. По сути дела, до сих пор отсутствует национальная модель менеджмента, учитывающая в полной мере этнокультурную специфику отечественной рабочей силы, ее сильные и слабые стороны.

Наряду с преобладающим на практике господством старых (советских) приемов организации и управления, в сфере подготовки руководящих кадров все чаще наблюдается неоправданное калькирование западных, главным образом американских менеджеральных схем (часто с подачи «консультантов», только что заучивших то или иное зарубежное пособие или второсортный учебник), польза от которых в нашей ситуации сомнительна. Это отмечали многие из проинтервьюированных нами в ходе экспертных опросов 1997, 2001 гг. руководителей.

С нашей точки зрения, гораздо плодотворнее было бы продумать способы «включения» специфических компонент менталитета русских в программу вывода нашего общества и экономики из системного кризиса, нежели стремиться к «беспощадному» искоренению (что все равно явно недостижимо) ядра национальной центральной (по Т. Парсонсу) ценностной системы, что чревато непредсказуемыми и явно разрушительными результатами.

Может быть, методологически более плодотворно было бы обратиться к дальневосточному опыту (Япония, Китай, Южная Корея и т. д.), дающему образец некатастрофичной модернизации, позволяющей смягчить естественное напряжение между «традиционным» и «современным», совместить поток экономических и социальных нововведений с сохранением национальных культурных традиций. Ведь, по большому счету, в зависимости от того, будет ли выработана искомая макросоциальная технология, стратегия прорывной системной модернизации России (так сказать «национальный проект»), мы можем рассчитывать на реализацию тех прогрессивных идей, которые были провозглашены при приходе реформаторов к власти.

Что же касается готовности нынешних и бывших работников отечественного ВПК, до сих пор являющихся трудовой элитой нации, к подобному историческому повороту, то, исходя из приведенных выше данных, мы ее оцениваем пока достаточно высоко. Важно не упустить время.

Таким образом, присущие основной массе россиян их качества и как работников, и как субъектов и объектов управления, явились результатом всех исторических напластований, всех обстоятельств драматической судьбы русского народа. И именно эти особенности трудовой и управленческой культуры, сложившиеся у русского населения России, будут определять (и ограничивать) возможности трансплантации высоких технологий и формы участия России в новейшем международном разделении труда, в глобальной экономике.

Заключение

Опыт последних лет отчетливо показывает, что экономический рост невозможен без разработки собственных, российских моделей менеджмента. Это предполагает выполнение двух основных условий:

- проведение тщательного анализа особенностей национальной культуры и диахронных механизмов трансляции стереотипов поведения в сфере труда, устойчивых форм его организации и управления, а также анализ эволюции терминальных и инструментальных ценностей российского социума в современный трансформационный период;
- использование богатого арсенала зарубежных разработок в области менеджмента, адекватных русской национальной специфике.

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность

получили две целостные системы менеджмента — американская и японская, — каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей. В одном случае — достигательно-индивидуалистической, в другом случае — достигательно-коллективистской. Отечественный опыт русской управленческой культуры, арсенал эффективных технологий отечественного менеджмента не получил системной, культурно-антропологической интерпретации. Проходившие в дореформенный период дискуссии выявили его большую близость к японской модели.

Вопрос о разработке адекватных национальной специфике и эффективных в условиях модернизирующейся экономики моделей менеджмента, конечно, необходимо рассматривать в контексте основных гипотетически возможных сценариев развития России в ближайшей перспективе.

Влияние национальной культуры на эффективность труда и менеджмента исследуется нами, исходя из ориентации на развитие в России информационной экономики. Это предполагает учет параллельного и, по-видимому, длительного сосуществования в стране глобальных/информационных и национальных/локальных секторов экономики. Для эффективного развития каждого из них требуются разные качества рабочей силы и несовпадающие модели менеджмента. Нам представляется особенно важным выявить накопленные в национальной культуре свойства, качества работников и адекватные модели менеджмента, которые могут оказаться востребованными именно информационным сектором экономики.

Известно, что национальная специфика проявляется как в индивидуальных характеристиках работников, так и в устойчивых для данной культуры формах организационного взаимодействия. Поэтому решение проблемы эффективности управления не может быть вполне корректным вне рассмотрения вопроса о типах организационных структур. При этом следует учесть то обстоятельство, что эти характеристики и работников, и управления можно познать только при сопоставлении:

- а) с теоретически сконструированной моделью «идеальных» работника и управления, адекватной требованиям информационной/глобальной экономики;
- б) с реально действующими моделями работников и менеджмента в странах, наиболее продвинувшихся в экономическом развитии и контрастных по этнокультурным характеристикам.

Именно в этой связи целесообразно соотнесение черт японской, американской и русской этнокультурных моделей.

Таким образом, определяется комплексная проблема, включающая несколько базовых элементов:

- реинтерпретация накопленного культурно-антропологического и этносоциологического материала применительно к проблемам менеджмента;
- обобщение имеющегося знания относительно проблем российского менеджмента, включая анализ материалов государственной статистики, в которых отражена динамика состава менеджеров различного уровня, а также — вторичный анализ имеющихся социологических опросов по анализируемому проблемному полю;
- выработка специфических моделей менеджмента, опирающихся на результаты культурно-антропологического и этносоциологического анализа;
- апробация выработанных моделей.

Создание своеобразных, максимально эффективных в условиях России методов менеджмента, учитывающих специфику русской национальной трудовой и деловой культуры, возможно лишь на основе глубокого анализа применимости зарубежных моделей управления и конструктивном обобщении позитивного отечественного опыта.

Именно в этом контексте, именно с такой перспективой и была написана эта статья, которую мы рассматриваем как этап конструктивного изучения этнокультурных факторов повышения эффективности труда и менеджмента в нашей экономике.

Литература

- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I—III. М.: Философское общество СССР, 1991.
- Ахиезер А.С.* Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. 1999. № 4.
- Бейкер К.Дж.* Как устроить работающие взаимоотношения // Знание — сила. 1996. № 1.
- Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.
- Березной А.В., Панкин С.М., Славинский В.А. и др.* Производство выходит за национальные границы. М., 1991.
- Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
- Васильев Л.С.* История Востока. М.: Высшая школа, 1994.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / *М. Вебер.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религий / Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Верховин В.И.* Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре // Мир России. 2001. № 1.
- Верховин В.И.* Опыт интерпретации монетарных стереотипов в русском фольклоре // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
- Вишневский А., Зайончковская Ж.* Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992а. № 12.
- Вишневский А., Зайончковская Ж.* Четвертый вал эмиграции // Московские новости. 1992а. 9 февраля.
- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
- Гаськов В.М.* Социальные аспекты международного обмена производственным опытом. М.: МНИИПУ, 1988.
- Гаськов В.М.* Социальные проблемы обмена производственным опытом в странах — членов СЭВ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 1989.
- Гловели Г.* Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Горичева Л.* Экономические проблемы и национальное самосознание // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Гудков Л., Дубин Б.* Все едино. Российскому обществу жить стало хуже, жить стало скучнее // Итоги. 2001. 23 января.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1994а.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994б.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во СПбГУ Глаголь, 1995.
- Долгих Е.* Почему уезжают ученые // Московские новости. 1993, 4 апреля.
- Емельянов Ю.В.* Рождение и гибель цивилизаций. М.: Изд-во «Вече», 1999.
- Жижко Е.В.* Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. ред. *Бутенко И.А.* М.: МОНФ, 2000.
- Жунин М.М.* Просвещенный купец — украшение старой веры // Мир России. 1998. № 3.
- Зарубина Н.Н.* Модернизационный вызов современности и российские альтернативы. Материалы круглого стола // Мир России. 2001а. № 4.

- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // *Общественные науки и современность*. 2001б, № 5.
- Иваницкий В.* Архетипы успеха и русская сказка // *Знание — сила*. 1997. № 8—10.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Интервью с Анатолием Рыбаковым // *Известия*. 2001. 13 января.
- Интервью с К. Касьяновой // *Знание — сила*. 1992. № 1.
- Кабалина В. И.* Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // *Социологический журнал*. 1999. № 3—4.
- Карамзин Н. М.* Предания веков. М.: Изд-во «Правда», 1988.
- Карсавин Л. П.* Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 1992.
- Кастельс М.* Глобализация и глобальная экономика // *Экономические стратегии*. 2000а. Май-июнь, июль-август.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. под ред. *О.И. Шкаратана*. М.: ГУ-ВШЭ, 2000б.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // *Мир России*. 2000. № 1.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Кива А.В.* «Экономика — язык — культура» через призму виртуальной реальности // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.
- Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // *Философские науки*. 1996. № 1—6.
- Ключевский В.О.* Сочинения в 8-ми томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
- Клямкин И.М., Лапкин В.В.* Русский вопрос в России // *Полис*. 1995. № 5.
- Коваль Т.Б.* «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда // *Мир России*. 1993. № 1.
- Коваль Т.Б.* Православная этика труда // *Мир России*. 1994а, № 2.
- Коваль Т.Б.* «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994б.
- Колесникова Л., Перекрестов В.* Организационные структуры и культура предпринимательства // *Вопросы экономики*. 2000. № 8.
- Латин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // *СОЦИС*. 2000. № 7.
- Латов Н.В., Латова Ю.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М.: Республика, 1991.
- Лотман Ю.* Труды по знаковым системам. Тарту, 1972. Вып.15.
- Лурье С.* Антропологи ищут // *Знание — сила*. 1994. № 3.
- Льюис Р.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. М.: Изд-во «Дело», 1999.
- Лэйн Д.* Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // *Мир России*. 2000. № 1.
- Люк М.* Чего не хватает российскому менеджменту? // *Проблемы теории и практики управления*. 2000. № 4.
- Материалы круглого стола «Экономика — язык — культура» // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.
- Межуев В.* Традиция самовластия в современной России // *Свободная мысль*. 2000. № 4.
- Межуев В.М.* Российская цивилизация — утопия или реальность / Постиндустриальный мир и Россия. Отв. ред.: *Хорос В.Г., Красильщиков В.А.* М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Мельников-Печерский П.И.* В лесах. Кн.1. Горький, 1956.
- Менделеев Д.* Проблемы экономического развития России. М.: Соцэкгиз, 1960.
- Мир России — Евразия. Антология.* М.: Высшая школа, 1995.

- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества правового государства. Т.1—2. 2-е изд. Спб.: Дмитрий Булавин, 2000.
- Миронов Б.Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // СОЦИС. 2001. № 8.
- Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998.
- Моритани М.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М.: Экономика, 1986.
- Мясникова Л.* Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Наумов А.* Хофстидово измерение России: влияние национальной культуры на управление бизнесом // Менеджмент. 1996. № 3.
- НТР и национальные процессы / Под ред. *О.И. Шкаратана*. М.: Наука, 1987.
- Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: «Дониш», 1989.
- Орлова И.Б.* Современные цивилизации и Россия. М., 2000.
- Павленко Ю.В.* Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев: Наукова думка, 1989.
- Павлов И.* О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.
- Павлюткин В.* «Мышеловка» для академиков // Мир за неделю. № 12. 1999. 13—20 ноября.
- Пайнс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Паришев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Форум, 2001.
- Пастухов В.Б.* Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992. № 5—6.
- Перепелкин Л.С.* Русский рабочий и современное производство // Мир России. 1994, № 2.
- Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И.* Экономический рост и национальное развитие // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 10.
- Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. М.: Наука, 1961.
- Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская власть, русская система, русская история / Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999а.
- Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т.4, 1999б, № 4.
- Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4.
- Пименов А.В.* Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. № 1—2.
- Платонов О.А.* Русская цивилизация. М.: «Рада», 1992.
- Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. М.: Наука, 1983.
- Рих А.* Хозяйственная этика. Пер. с нем. М.: Посев, 1996.
- Русские. Этнографические очерки / Отв. ред. *Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С.* М.: Наука, 1999.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997.
- Сакаи Т.* Что такое Япония? М.: Партнер Ко Лтд, 1992.
- Санто Б.* Инновация как средство экономического развития. М.: Прогресс, 1990.
- Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1997.
- Сулян В.Б.* Эволюция рабочей силы: качественные характеристики // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 5.
- Сусоколов А.А.* Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. № 2.
- Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

- Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. Сборник. Спб: ЮВЕНТА, 1995.
- Урманов И.* Синергические связи как новая модель организации производства // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 3.
- Фальцман В.* Российское предпринимательство с позиций христианской морали // *Вопросы экономики.* 2000. № 8.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Вопросы философии.* 1990. № 3.
- Хакамада С.* Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // *СОЦИС.* 1999. № 4.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *ПОЛИС.* 1994. № 1.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и Россия // *Московские новости.* 1995. № 5. 22—29 января.
- Цивилизационные исследования. М., 1996.
- Черток Б.* Перспективы российской космонавтики и наукоемких технологий // *Экономист.* 2000. № 8.
- Чубайс И.* Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. М.: Изд-во НОК «Музей бумаги», 1998.
- Чубайс И.Б.* Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI веке // *Мир России.* 2000. № 2.
- Шкаратан О.И.* Тип общества, тип социальных отношений // *Мир России.* 2001. № 2.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1.Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
- Яковенко И.* В чем ошибся Хантингтон? Монолог культуролога // *Знание — сила.* 2002. № 1.
- Campbell R.W.* Soviet and Post-Soviet Telecommunications: an Industry Under Reform. Boulder, Colorado, 1995.
- Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.—N.Y., 1992.
- Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.
- Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. L.: Sage, Beverly Hills, 1980.
- Huntington S.* The clash of civilizations? // *Foreign Affairs.* Summer 1993.
- Inkeles A.* National Differences in Individual Modernity // *Comparative Studies in Sociology.* Vol. 1. JAI Press, Inc., 1978.
- Inkeles A., Diamond L.* Personal Development and National Development: A Cross-National Perspectives // *Quality of Life: Comparative Studies / Ed. by Szalai A. & Andrews F.M.* L.: Sage Publications, 1980.
- Inkeles A., Smith D.M.* Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1982.
- Laura J., Spence L.J.* Multinational Interview Decisions: Integrity Capacity and Competing Values // *Human Resource Management Journal.* L., 2000. Vol. 10.
- McClelland D.C., Winter D.G.* Motivating Economic Achievement. Accelerating Economic Development Through Psychological Training. N.Y., 1960.
- Merritt A.* Culture in the Cockpit: Do Hofstede's Dimensions Replicate? // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* Thousand Oaks; May 2000; Vol. 31.
- Murphy W.H.* Hofstede's National Culture as a Guide for Sales Practices Across Countries: The Case of a MNC's Sales Practices in Australia and New Zealand // *Australian Journal of Management.* Sydney; June 1999. Vol. 24.
- Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. N.Y.: Free Press, 1990.
- Post-Fordism. Reader / Ed. by *Ash Amin.* Oxford: Blackwell Publishers, 1994.
- Salk J.E.* National Culture, Networks, and Individual Influence in a Multinational Management

Team // *Academy of Management Journal*. Mississippi State. April 2000; Vol. 43.
Shaiken H., Herzenberg S. Automation and Global Production. Automobile Engine Production in Mexico, the United States and Canada. San Diego, 1987.
Sorokin P. Social Philosophies of an Age Crisis. Boston: Porter Sargent Publisher, 1951.
The Political Economy of Japan: The Domestic Transformation / Ed. by Yamamura Kozo, Yasuba Yasukichi. Stanford, 1987. Vol. 1.
Ulijn J. Innovation, Corporate Strategy, and Cultural Context: What is the Mission for International Business Communication? // *The Journal of Business Communication*. Urbana. July 2000; Vol. 37.
Veiga J. Measuring Organizational Culture Clashes: A Two-Nation Post-Hoc Analysis of a Cultural Compatibility Index // *Human Relations*. New York. April 2000, Vol. 53.

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Исследование и создание модели трудовой и управленческой культуры рабочей силы в России в период внедрения высоких технологий». НИР № 1.1.01 по заданию Министерства образования РФ.

[2] Пожалуй, самым удачным и общепризнанным опытом измерения национально-культурных параметров рабочей силы является исследование Хофштеда [*Hofstede* 1980]; см. также [*Merritt* 2000; *Murphy* 1999; *Ulijn* 2000; *Veiga* 2000] и др. публикации.

[3] См. [НТР 1987; *Перепелкин, Шкаратан* 1988]. К сожалению позднее эти исследования были прерваны.

[4] Перевод см.: [*Хантингтон* 1994, с. 33—57]; глубокий разбор этой ситуации и начавшейся борьбы массовых движений против «нового глобального порядка» см. в работе М. Кастельса, к сожалению, не переведенной на русский язык [*Castells* 1997].

[5] Более полную характеристику этакратизма см. [*Шкаратан* 2000, с. 63—108].

[6] Данные по США, Германии и Японии взяты из исследования Хофстеда [*Hofstede* 1980]; данные по России, полученные Хофстедом и Наумовым, воспроизводятся нами по работам [*Латов, Латова* 2001; *Наумов* 1996].

[7] Формулировка вопроса приведена здесь дословно, без изменений. О массовых ценностных предпочтениях см. также [*Клямкин, Лапкин* 1995].